

ПАТРИК ДАНН

АЗЫ ВОЛШЕБСТВА

Incantation of Dionysus

*Mysticism Nature
Kachemacum...
idem...
Incantation of Dionysus*

*Aranea ven
rete plume
1973
Mitolian
Incantation
Solitudo*

ПРИНЦИПЫ
МАГИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С МИРОМ

Патрик Данн

**Азы волшебства.
Принципы магического
взаимодействия с миром**

ИГ "Весь"

Данн П.

Азы волшебства. Принципы магического взаимодействия с миром
/ П. Данн — ИГ "Весь",

Магия объяснима и доказуема. И у вас не будет в этом сомнений, когда вы прочтете книгу «Азы волшебства» – захватывающее исследование Патрика Данна, известного американского ученого, профессора и опытного мага. Одно только слово, его буквенное, цифровое или символическое изображение может стать сильным заклинанием, которое поможет вам избавиться от нежеланных обстоятельств, улучшить отношения, привлечь изобилие, создать что-то важное и ценное в своей жизни. Как и почему это происходит, автор детально объясняет, анализируя традиционные старинные заклинания и мантры, магические знаки, символы и сгилы. Он также рассказывает, как создать собственное заклинание или выполнить магический ритуал, и предлагает интересные практические упражнения. Если вы начинающий или опытный маг, страстный исследователь или просто человек, стремящийся познать природу мира, эта книга станет настоящей жемчужиной вашей личной библиотеки. Ранее книга выходила под названием «Магия, энергия, символ. Сила языка в магической практике».

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Глава 1	9
Семиотика – наука о знаках	11
Семиотика и магия	15
Модель семиотической сети	18
Мандала сигилов	20
Семиотическая теория в эвокации	22
Глава 2	25
Материя звука	26
Дыхание	29
Четырехкратное дыхание	31
Звуки языка	33
Глава 3	44
Перформативы	45
Характерные особенности заклинания	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Патрик Данн
Азы волшебства. Принципы
магического взаимодействия с миром

Посвящается Эрику

Patrick Dunn

Magic, Power, Language, Symbol: A Magician's Explorations of Linguistics

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by Llewellyn Publications, Woodbury, MN 55125 USA,
www.llewellyn.com

Благодарности

Люди пишут книги по многим причинам. Среди них – желание славы, желание заработать, желание заполнить пробел в знаниях, желание увидеть свое имя напечатанным, временное умопомрачение, божественное указание...

Но помогают писать книги другим лишь по одной причине – ради любви и заботы.

Спасибо:

Маме – за все, от карт Таро до телефонных звонков;

Крису – за чтение рукописи и предложения; я могу с уверенностью сказать, что они существенно улучшили эту книгу;

Эрику – за вечера с кофе, книгами и философскими спорами; твои высказывания по поводу семиотической сети и редуктивного материализма дали мне импульс к написанию этой книги; а еще ты открыл для меня Бубера;

Эду – за годы интересных дискуссий о магии, религии и разумности, хорошие советы по поводу музыки и чтения, а также за компьютерную программу, которая сэкономила мне немало рабочих часов в процессе написания этой книги;

Петеру – за дружбу и интересные предложения; особая благодарность за то, что вежливо выслушивал мои рассуждения об ивритских неправильных глаголах и тому подобном;

Бетти – за коктейль «Маргарита» и беседы, не говоря уже о цитируемых в данной работе лингвистических статьях и книгах, половину из которых ты мне порекомендовала;

Ричарду – за то, что делает мою жизнь прекрасной, дает мне веру в себя и любит меня так же, как я люблю его, той любовью, которая удерживает звезды на своих местах.

Хочу поблагодарить многочисленных духов – я не буду здесь их называть, – а также богов, ангелов, демонов и других существ, о которых я не знаю, но которые могут существовать. Иными словами, как бы высшая субстанция ни показывала свои бесчисленные свойства моему крохотному дуалистическому сознанию, спасибо ей за это.

Кстати, я один из тех авторов, которые работают под музыку. Соответственно, я хотел бы поблагодарить группы и музыкантов, которые, сами того не ведая, помогли мне написать эту книгу: The Adicts, Apocalypse Hoboken, Atmosphere, Cake, Cramps, Dropkick Murphys, Eddie and the Hot Rods, The Faint, Guttermouth, Jets to Brasil, mc chris, Motion City Soundtrack, Mouthwash, Nirvana, Operation Ivy, Pitchshifter, The Pogues, The Ramones, Rancid, Randy, Soul Coughing, The Streets, The Strokes.

Введение

Если вы ищете магические слова, то вряд ли найдете что-то лучше, чем *абракадабра*! Никто не знает, что оно означает на самом деле и означает ли что-либо вообще. Впервые это слово упоминается в рецепте изготовления амулета. Почему из всего бесчисленного множества слов, нанесенных на талисманы, обереги и таблички, дошедшие до нас из древности, именно оно пережило тысячелетия, – это тоже загадка. Почему цирковые маги не выкрикивают, например, «абрасакс!» или «абалата!»? Почему именно «абракадабра»?

Возможно, это слово само обеспечило себе выживание и популярность. Вероятно, оно служит напоминанием о том, что, независимо от цирковых фокусников и их трюков, настоящая магия по-прежнему существует. *Абракадабра* может дать нам ключ к магии.

Один из вариантов происхождения этого слова – арамейская фраза *авра кедабра*. Она означает «создаю, говоря». Арамейский язык близок к ивриту. Иисус, обращаясь к друзьям, родственникам и Богу, говорил по-арамейски. Глагол *авра*, «я творю», в арамейском языке соответствует ивритскому глаголу *эвра*. Но в иврите проводится различие между разными типами творения: если вы делаете что-то из ничего, то говорите *эвра*, а если делаете одно из другого – *эцор*. Получается, что выражение *абракадабра* означает следующее: «Я создаю что-то из ничего, когда говорю – подобно тому, как из ничего появляются и мои слова». Однако в соответствующих космологиях только Бог может создавать из ничего. *Эвра* – глагол, используемый применительно к Богу, а не к людям. То есть сказать *абракадабра* – значит произнести заклинание обожествления.

Обожествление меня не очень интересует – меня больше занимают язык и магия. На Земле существует примерно шесть тысяч языков, и каждый здоровый ребенок овладевает, как минимум, одним из них. Дети усваивают язык без усилий, им не нужно зубрить его, и хотя иногда они делают забавные ошибки, тем не менее овладевают новым языком гораздо быстрее, чем взрослые. Скорость, с которой дети выучивают язык, – доказательство того, что в нем есть нечто прочно укорененное в человеческом существе.

Магия не так универсальна, как язык, но близка к этому. Представления о магии существуют в большинстве культур, и многие люди на Земле верят в нее в той или иной степени. Некоторые материалисты трактуют подобное положение дел как проявление ужасающего невежества. Но очевидно, что, как и в случае с языком, изучать магию заставляет людей нечто врожденное.

Моя цель в этой книге – исследовать пути взаимодействия магии и языка. Отношение к языку не только формирует магию в прошлом и в настоящем. Лингвистика и семиотика проливают свет на многие вопросы, связанные с магией. После выхода моей первой книги многие читатели писали мне, что им хотелось бы более научного подхода к материалу. Однако у меня не было желания писать чисто научную работу. Я хотел написать нечто практическое и в то же время поучительное. В моей первой книге содержалось много описаний упражнений и ритуалов, в этой книге их меньше. В первой книге были техники, в этой – теории. Тем не менее маг, который ищет практические приемы или заклинания, найдет здесь информацию о заклинаниях, глоссолалии, инвокациях, мантрах и медитации. А те, кого интересуют техники, обнаружат, что в этой книге они исследуются более глубоко, чем в обычном руководстве с поэтапными инструкциями.

В главе 1 рассказывается о том, как лингвистические и семиотические теории самым неожиданным образом проливают свет на практику магии. Я ввожу идею семиотической сети и объясняю, как использовать ее для повышения эффективности магической работы. Кроме того, описываю теорию магии, предполагающую воссоздание тех семиотических кодов, при

помощи которых мы интерпретируем реальность всякий раз, когда выполняем магические действия.

Глава 2 продолжает первую: в ней разъясняется, как язык связывает мир материи с миром сознания, и вновь дается часть теории – на этот раз фонетической; раскрывается природа магических звуков.

Глава 3 посвящена заклинаниям. В ней исследуются традиционные заклинания, взятые из разных источников: от традиционных ирландских и шотландских до староанглийских и ведических. Я анализирую структуру заклинаний и те чрезвычайно важные особенности, которые их объединяют, несмотря на совершенно разное происхождение. Читатель, интересующийся созданием устных магических заклинаний, возможно, сочтет эту главу полезной для себя.

В главе 4 рассматриваются письменные магические знаки и сигилы. В моей предыдущей книге уже шла речь о дефиксоне как об очень простой форме магии. Здесь же я более глубоко погружаюсь в данную тему, показывая, как выглядят дефиксаны эпохи постмодерна в действии.

В главе 5, «В поисках первоязыка: от Вавилона к енохианскому наречию», я рассматриваю попытки отыскать первоначальный язык, причем как научные, так и магические. Я даю некоторые советы, касающиеся составления высказываний на енохианском языке, а также предлагаю метод расширения енохианского лексикона, основанный на базовых лингвистических принципах словообразования.

В главе 6 говорится о другом способе нахождения первоязыка – глоссолалии, или «говорении на языках», – и обсуждается применение этой до сих пор недооцениваемой техники в различных магических операциях.

В главе 7, «Каббала: грамматика чисел», я объясняю основные принципы гематрии. Кроме того, здесь обсуждается существование английской каббалы. Приложение 1 содержит английский каббалистический словарь.

В главе 8 рассказывается о традиционных и современных подходах к использованию мантр, или формул силы. Лингвисты редко изучают мантры, однако некоторые языковые феномены, например семантическое пресыщение, помогают объяснить, как работают мантры и, возможно, магия вообще. Я говорю о том, как находить и создавать новые мантры и формулы и как применять их в магии.

Глава 9 посвящена структуре ритуала, который рассматривается как разновидность мифа. Исследование мифа и нарратива, а также современное представление о метафоре помогают объяснить, как мы видим мир и как мы можем его изменить.

Заключительная глава 10 повествует о том, как истории, которые мы сами себе рассказываем, иногда мешают эффективной магии. Я заканчиваю книгу размышлениями о том, что язык порой словно отделяет нас от бесконечности, но в то же время может послужить для открытия двери в непознанное.

Надеюсь, что, когда вы будете открывать эту дверь, книга сработает не как ключ, а как кольцо для ключей. У каждого человека свой ключ к просветлению, но есть одна вещь, которая нас объединяет независимо от наших различий, – это язык. Говоря, все мы творим. Желаю вам найти свое магическое слово, свою *абракадабру*.

Глава 1

Теория символов и практика магии

В любом искусстве существует различие между теорией и практикой. Кто-то может заниматься искусством, не изучая его теории, а кто-то – изучать теорию, не занимаясь практикой. В идеале, конечно, теория предоставляет для практики информацию, а практика проверяет теорию. В магии некоторые люди интересуются только практической стороной. Сталкиваясь с проблемой, они находят заклинание, помогающее ее разрешить, и продолжают жить по-прежнему. Такой подход нельзя назвать неправильным. Однако мне самому нравится размышлять о теории магии. Иногда люди отбрасывают ее как нечто бесполезное, и если теория не приводит к практике, то они оказываются правы. Но теория предоставляет нам «строительные блоки», из которых мы можем построить собственное представление о магии.

Роль магической теории и ее отличия от теории научной являются основной темой работы Рэмси Дьюкса *S. S. O. T. B. M. E.*, а поскольку недавно вышло в свет новое издание этой книги, я не стану повторять здесь данный материал¹. Однако стоит подчеркнуть, что Дьюкс исследует некоторые различия между научной теорией и теорией магической, что может быть полезно для изучения роли языка в магии. Как отмечает Дьюкс, чтобы научная теория была полезной, она должна быть опровергаемой. Другими словами, она должна содержать предположения, ложность которых можно доказать при помощи наблюдения. Например, физика Ньютона утверждает, что время – это константа. Эйнштейн выдвинул теорию, согласно которой время не является таковой – оно изменяется в зависимости от положения наблюдателя относительно скорости света. Согласно теории Эйнштейна, если разлучить двух близнецов и отправить одного из них в путешествие на скорости, близкой к скорости света, то, вернувшись на Землю, он обнаружит, что его брат состарился гораздо сильнее, чем он сам. Эту гипотезу, хотя она и выглядит невероятной, можно доказать: взять, например, двое тщательно откалиброванных часов и придать одним из них большое ускорение (не скорость света, конечно, это нам не под силу), а затем сравнить их показания. Такой эксперимент был проведен – он опроверг физику Ньютона, подтвердив теорию Эйнштейна².

Научный подход к теории основан на фальсификации, магический – на взаимосвязи. Как это ни парадоксально, но все научные теории стремятся быть опровергнутыми. И чем дольше этого не происходит, тем сильнее они становятся. Дьюкс утверждает, что магические теории не опровергаются подобным образом. Вместо того чтобы выдвигать предположения, которые могут быть опровергнуты, они описывают опыт, который маг должен попытаться получить. Вместо того чтобы искать изъяны в магической теории, маг стремится выявить, что в ней есть истинного. Это значит, что маги располагают многочисленными противоречивыми и иногда даже глупыми теориями относительно магии, и каждая из них имеет для человека особую ценность. Очевидно, что я могу ценить в теории то, чего не цените вы, и наоборот. Но если уж мы считаем некую магическую теорию правильной, то можем ее использовать – не для того, чтобы строить предположения научного характера, а для того, чтобы структурировать магические действия. Например, если я верю в духов и считаю истинной магическую теорию, которая их описывает, то могу пытаться вызывать их и контактировать с ними. Но только глупец станет утверждать, что в магии мы должны упразднить научное стремление к опровергаемо-

¹ 1 Dukes, Ramsey. *S. S. O. T. B. M. E. Revised: An Essay of Magic*. London: The Mouse That Spins, 2002 (third revised edition).

² Дж. С. Хейфеле и Р. Э. Китинг использовали самолет и несколько тщательно откалиброванных атомных часов. Отчет об их эксперименте можно найти в статье «Кругосветное путешествие атомных часов» (Hafele, J. C., Keating, R. E. *Around-the-World Atomic Clocks: Predicted Relativistic Time Gains, Science* 177 (1972), 166–177).

сти теорий. В действительности для полноценного понимания реальности нам необходимы оба подхода.

Цель этой книги – представить ряд интересных новых теорий, касающихся магии, а также рассмотреть роль языка в магии с практической точки зрения. Однако заклинаний как таковых в книге нет. Знания о том, как их создавать, вытекают из теории. Если вы придерживаетесь теории о том, что существует магическая энергия и именно она лежит в основе магии, то и ваши магические действия будут отличаться от тех, которые предпринимает человек, верящий в духов и приписывающий магическую силу именно им. В этой книге с точки зрения лингвистики и семиотики рассматриваются те интересные и уникальные способы применения языка, которые использовали представители разных магических и религиозных традиций. Также здесь описан ряд упражнений и экспериментов, которые вы можете попробовать выполнить и провести сами – не для того, чтобы опровергнуть излагаемые мной теории, а чтобы понять, есть ли в них что-то созвучное именно вашему мировосприятию.

Прежде чем перейти к основному блюду – магии, давайте добавим к нему пару щепоток земной приправы. Любой умный разговор о роли языка в магии требует понимания роли языка в более ординарных ситуациях. Наука рассматривает язык с двух точек зрения – лингвистической и семиотической. Лингвистика изучает три аспекта языка: семантику (значение отдельных слов), синтаксис (то, каким образом слова объединяются в предложения) и прагматику (как язык используется в реальной жизни). Время от времени я буду ссылаться на различные лингвистические теории, однако хотелось бы подчеркнуть, что в этой книге не делается никаких лингвистических выводов – только магические. Семиотика как второй способ изучения языка – это формальное изучение символов и знаков. В сферу интересов семиотики, конечно же, входит не только язык, но также графика, визуальная риторика (средство воплощения, например, рекламы) и язык тела. Семиотика почти не используется как инструмент исследования и создания магической теории. Моя цель – представить семиотические и лингвистические знания таким образом, чтобы при желании вы смогли создать собственные, лично ориентированные магические теории, опираясь на материал этой книги.

Семиотика – наука о знаках

Знаки, или символы, важны для всех магов: от каббалистов, медитирующих на формы и значения букв иврита, до колдуньи худу с ее магнетитом и мага хаотической школы, медитирующего на сгил. Все они имеют дело с символами – объектами, которые означают нечто другое, отличное от того, чем изначально являются сами. Семиотика – это формальное исследование такого рода вещей. Данное определение может показаться слишком прямолинейным и простым, однако за сто лет формального изучения символов было выяснено, что они отнюдь не просты. Например, мы привыкли думать, что существует класс вещей, являющихся символами, и класс вещей, таковыми не являющихся. Мы видим слово *дерево* и думаем: «А, это символ, обозначающий объект реального мира». И это отражение общепринятой теории о структуре символа. Символ, как гласит эта теория, состоит из трех частей: знака, представляющего собой визуальный или вербальный (или воспринимаемый другими органами чувств) материальный объект, который, собственно, и называют символом; означаемого, то есть смысла данного знака, существующего в мире идей; и физического объекта, которому данная идея соответствует. Проблема, как отмечают современные семиотики-постмодернисты – например, Жак Деррида, – заключается в том, что не существует четкого различия между знаком и означаемым. Означаемое само по себе может быть знаком, указывающим на другое означаемое, а физический объект, к которому применяется идея, – это просто еще один символ.

Трудно определить, на что именно указывает данный конкретный знак. Возьмем для примера слово *дерево*, которое, казалось бы, указывает на идею в реальном мире. Но покажите мне «настоящее» дерево, которое обозначается этим словом. Это вяз? Или тополь? Дерево у вас за окном? Дерево, на которое я забирался в детстве? Не исключено, что вы скажете: «Можно сколько угодно заниматься софистикой, но каждый знает, что я имею в виду, когда говорю „дерево“: я подразумеваю класс объектов, обладающих схожими чертами». Однако что это за черты? Например, с какой именно высоты куст становится деревом? Категория «дерево», которую мы провозглашаем реальным физическим объектом, – просто набор впечатлений, объединенных нами одним ярлыком. В некоторых языках не существует эквивалента слову *дерево* – вместо этого вам приходится называть конкретный тип дерева, о котором вы говорите. Класс «дерево» так же условен, как и любая другая идея, на которую мы можем указать при помощи символов. Условная природа символов становится очевидной, когда вы сравниваете разные языки. Например, в английском у нас есть два слова для обозначения свиньи: когда она живая, это *pig* (свинья); когда мертвая – *pork* (свинина). Но в других языках может быть только одно слово для обозначения этих объектов. Так кто же из нас прав? И те и другие. На самом деле эти различия условны³.

Согласно представлениям постмодернистов, всё есть символы. Я сталкивался с критическими замечаниями такого рода: «Если все символично, значит, мы можем действовать так, как захотим, и причинять вред тому, кому захотим!» Сложно заставить некоторых людей поверить, что постмодернисты хотят сказать совсем другое. Они не утверждают, что «любая вещь есть только символ», поскольку слово *только* подразумевает, что есть нечто, не являющееся символом, нечто более реальное, чем символ. Это не так. Символ не является для постмодерниста чем-то нереальным. Это нечто по-настоящему реальное. Нет иного способа быть реальным, кроме как символически. Так что если мы причиняем вред каким-либо объектам, то реально

³ Могу представить себе, как читатель говорит: «Для бедной свинки это вовсе не условность!» Некоторые из этих условных различий проводятся по довольно разумным основаниям. Так, разница между живой и мертвой свиньей достаточно очевидна. Однако другие условные различия не настолько заметны. Например, у нас есть разные названия для людей с определенным цветом кожи, но мы не имеем таковых для людей, которые могут или не могут шевелить ушами или скручивать язык в трубочку. – *Примеч. авт.*

им вредим, даже если они только символы и наши действия тоже символы. Преимущество понимания символической природы реальности заключается в том, что мы можем выбирать способ интерпретации символов, который сделает нас менее уязвимыми для опасных воздействий. Кроме того, это понимание помогает осознать, что наблюдаемое нами явление и его интерпретация – это иногда разные вещи. Если кто-то «подрезал» нас на дороге, то, понимая символическую природу реальности, мы не станем автоматически предполагать, что это сделал кретин. Этот поступок может означать, что люди спешат доставить кого-то в больницу, опаздывают на важную встречу или что у них просто выдался неважный денек.

Постмодернисты в большинстве своем также не отрицают существования реальности за пределами символа. Возможно, существует реальность, не являющаяся символической, но мы, как существа символические, не можем ее воспринимать. И даже если бы мы могли ее воспринимать, то не могли бы говорить о ней. Интересно, что одной из характерных черт многих религиозных переживаний является невозможность рассказать о них или описать их при помощи символов. Все, что мы можем сказать, символично по определению, потому что все, о чем мы говорим, переводится нами в символы (то есть в слова).

Мы не в состоянии воспринимать что-либо не как символ и разрабатываем способы работы с символами, именуемые кодами. Коды – это просто рамки, в которые мы помещаем символы. Язык сам по себе есть код, но существует и множество других, не столь формализованных кодов. Если во время просмотра фильма вы замечаете, что режиссер решил слегка наклонить камеру (так называемый «голландский ракурс»), то имеете дело с определенным кодом. Интерпретировав его, вы должны понять, что главный герой растерян или дезориентирован⁴. Когда рассказ начинается с фразы «Тед вышел из своего Ford Focus и потянулся», мы знаем, что Тед, скорее всего, будет главным героем. Но, если кто-то произносит такую фразу в разговоре, вы будете вынуждены спросить: «А кто такой Тед?» Если же в рассказе говорится о главном герое так, словно читатель уже что-то знает о нем, – это код. Мы редко думаем о кодах, используемых для интерпретации символов. Большинство из них усваивается нами без всяких усилий в столь раннем возрасте, что у нас не возникает необходимости их осмысливать. Но коды, как и символы, для интерпретации которых они служат, во многом условны. В фильмах 30–40-х годов XX в. часто показывали людей, идущих из одного места в другое, например от машины к входной двери. Теперь, чтобы показать такое движение, используется условный код, резкая смена кадра. Подобные коды есть и в языке. Когда вы спрашиваете друга: «Можешь передать соль?», он знает, что, задавая странный, в общем-то, вопрос о его способности к такому действию, вы на самом деле обращаетесь к нему с просьбой.

Некоторые коды особенно уместны в магии. Это не художественные или языковые коды, но коды, отражающие наш способ восприятия реальности. Проведите эксперимент: отправляйтесь на короткую прогулку (например, вокруг дома) и при этом попытайтесь смотреть лишь строго вперед, по возможности сохраняя неподвижность взгляда. Обратите особое внимание на границу вашего поля зрения. Вы заметите, что с каждым шагом зрительная картинка скачет и дергается. По сути, такие скачки происходят всякий раз, когда мы двигаемся, однако у нас есть код, адаптирующий изображение таким образом, что свое поле зрения мы воспринимаем без всяких скачков. Если вы возьмете на плечо видеокамеру и пойдете тем же путем, то потом обнаружите, что запись тоже получилась дергающаяся и шатающаяся. Некоторые люди, просматривая такие плохо снятые видеозаписи, жалуются, что их при этом укачивает, хотя в действительности подобную качку они испытывают каждый раз при ходьбе. Однако в этом случае она компенсируется за счет движения глаз и устраняющих ее психологических кодов. Еще один

⁴ Иногда такие коды служат авторам плохую службу, особенно если становятся слишком очевидными. Например, многие негативные отзывы о фильме «Поле битвы – Земля» были вызваны злоупотреблением данным конкретным кодом. – *Примеч. авт.*

способ почувствовать на себе код, изменяющий наше восприятие реальности, – удерживать взгляд на одной точке перед собой до тех пор, пока не исчезнет ощущение глубины. Иллюзия глубины возникает у нас не только из-за нашего бинокулярного зрения, но и потому, что мы этого ожидаем. Это часть кода, с помощью которого мы воспринимаем реальность.

Такие коды, по крайней мере отчасти, даны нам от рождения. Эволюция предоставила нам возможность пользоваться многочисленными преимуществами плавности зрительного восприятия и иллюзии глубины. Однако существуют исторические доказательства того, что даже эти коды, которые кажутся нам столь естественными и биологическими, со временем менялись. Например, некоторые считают, что предренессансная живопись не отражает представления о глубине пространства. Однако при более пристальном рассмотрении становится понятно, что в те времена просто использовался другой код: к примеру, объекты, изображенные на картинах выше, как правило, более удаленные. Наши современные коды, показывающие глубину восприятия на двухмерных изображениях, задействуют сложные математические соотношения между размером и расстоянием. Однако и те и другие коды – это лишь иллюзия восприятия глубины, двухмерное изображение того, как мы видим мир. И хотя более поздний код, вероятно, ближе к нашему собственному коду зрительного восприятия, он тем не менее остается кодом и не является объективной частью реальности.

У нас также есть коды, которые не имеют никакого отношения к тому, как мы взаимодействуем с материальным миром. Например, коды, связанные с нашим отношением к сексу⁵. Если вы лишите секс всех этих кодов, останется лишь трение слизистых оболочек, вызывающее реакцию в нервных клетках, которая ведет к мышечным спазмам в определенных частях тела. Эти спазмы интерпретируются нами как нечто приятное. И для материалиста только это и есть секс⁶. Но в действительности у нас так много кодов, связанных с данным актом, что предлагаемое выше описание воспринимается как довольно странное – если не безумное. Оно чуждо большинству людей. Некоторые относятся к сексу как к способу установить эмоциональную связь с другим человеком. Другие воспринимают его как инструмент решения вопросов власти и подчинения. А третьи считают его чисто физическим упражнением. Но заметьте, что даже последний вариант не означает отказа от кодов: помимо всего прочего, физическое упражнение – это идея. У нас есть представления об упражнении. Другими словами, у нас имеются коды, интерпретирующие тот или иной акт как упражнение, как удовольствие или как любовь. У многих людей коды настолько сильны, что берут верх над их собственными желаниями. Человек может *хотеть* относиться к сексу как к средству духовной связи между двумя людьми, а вместо этого пользуется кодом, интерпретирующим секс как самоутверждение или принуждение. Мы не всегда полностью контролируем свои коды.

И как же все эти коды связаны с магией? Магия дает нам возможность контролировать коды, способные менять наше отношение к сексу, деньгам и т. д. В этом отношении магию можно считать формой психологии. Кроме того, я готов утверждать, что магия способна производить объективные перемены в реальном мире. Я уже говорил, что реальный мир, в конечном счете, символичен; соответственно, остается сделать лишь маленький шаг, чтобы заявить: меняя коды, интерпретирующие реальность, мы меняем саму реальность. Я бы хотел рассмотреть, как эта теория работает на практике.

Для начала позвольте мне сформулировать ее с максимальной ясностью: реальность – это, на некоем очень глубинном уровне, набор взаимосвязанных и отсылающих друг к другу символов. Мы интерпретируем эти символы, а значит, исследуем реальность в соответствии с набором кодов, причем не все они являются осознаваемыми. Некоторые коды заявляют о себе

⁵ Я мог бы взять для примера все что угодно: деньги, время или любовь. – *Примеч. авт.*

⁶ Под материалистической здесь и везде я подразумеваю философию, которая утверждает, что существует только материя. Это злостный и надоедливый враг магии. – *Примеч. авт.*

громче других. Например, мы трактуем силу тяжести согласно ряду формальных кодов, которые ясно и достоверно предсказывают ее поведение. Множество других кодов, особенно тех, что связаны с нашей повседневной жизнью, менее обоснованны. Некоторые и вовсе вредны. Изменение таких кодов повышает вероятность того, что мы получим желаемое, причем не только потому, что будем по-новому, более продуктивным образом видеть вещи, но и потому, что сама реальность подвергнется воздействию изменившихся кодов и мы вступим в контакт с новыми символами. Один из путей к пониманию кодов – представление их в виде *семиотической сети*, набора взаимосвязанных символов, отсылающих друг к другу. Позднее я расскажу о том, как разработать модель ваших семиотических сетей, которая позволит вам производить в них непосредственные изменения. Мне хочется показать, как данная магическая теория работает на практике, а затем вывести из нее рекомендации для дальнейших магических экспериментов.

Семиотика и магия

Давайте начнем с простейшей, самой элементарной магии, а именно – с использования сигилов. Говоря коротко⁷, сигил – это монограмма, в которой желание, сформулированное на английском языке, выражено в виде простого символа путем комбинирования букв. Как магическая технология сигилы стали популярны в 80-х годах XX в., однако, вероятно, они существовали с тех пор, как люди стали царапать символы на скалах. Однако метод их использования относительно нов. Начало ему было положено в работе Остина Спэра, но потом, на протяжении последних двадцати лет, этот метод совершенствовался магами хаотического направления. Маг активирует сигил, достигая гнозиса – состояния, в котором сознательная часть его психики на какое-то время отключается. Наиболее распространенное средство достижения гнозиса – оргазм; но при этом действенными являются и другие способы: медитация, сильное возбуждение, а также боль, самоудушение. Предполагается, что после достижения гнозиса, которое осуществляется в ходе созерцания сигила, маг забывает о происшедшем.

С семиотической точки зрения, активация сигила – это реструктуризация кодов, которые мы интерпретируем как реальность. Прежде всего маг превращает свое желание в символ, который не вызывает это желание непосредственно. Активно размышляя о своем желании, маг, вероятно, усиливает действие уже существующих кодов, мешающих его проявлению. А созерцание сигила, который не отсылает непосредственно к этим кодам, дает возможность их реструктурировать. Однако чтобы создать новые коды, нужно сначала уничтожить старые. Единственный способ это сделать – прекратить восприятие реальности, то есть приостановить работу сознания, благодаря чему мы стираем коды. Сделав это, например, путем вхождения в транс или достижения оргазма, мы потом обычно приходим в себя и непосредственно реструктурируем старые коды. Но сигил действует как семя, как пылинка, вокруг которой формируется снежинка. Первое, что мы видим, когда к нам возвращается сознание, – это сигил, и мы используем его как основу для восстановления кодов. А это значит, что наши новые коды неизбежно будут содержать идею, заключенную в сигиле. Мы забываем саму операцию, потому что в противном случае попытались бы заново отстроить свои старые коды. Если мы вернемся к старым привычкам, то начнем пользоваться старыми кодами.

Магия, по крайней мере с этой точки зрения, является и деструктивным, и творческим актом одновременно. Мы действительно демонтируем реальность (или наше восприятие реальности, что практически одно и то же), а затем заново отстраиваем ее «ближе к сокровенному желанию». С семиотической точки зрения, реальность деконструируется, а наши символические коды демонтируются в состоянии гнозиса. Предполагая это, мы получаем возможность расширить свое понимание гнозиса, или измененных состояний сознания, которые могут быть полезны для магии. Мы можем задействовать любое состояние сознания, в котором наша символическая сеть становится изменчивой. Например, для активации сигила можно использовать гипнагогическое состояние – в нем человек пребывает непосредственно перед сном или сразу после пробуждения. Если первым, что вы увидите в этом состоянии, станет сигил (для этого его необходимо разместить соответствующим образом), то символическое желание, которое он представляет, определит ваше существование в течение дня.

Мы имеем те коды, которые имеем, по определенным причинам. Очевидно, старые коды служат какой-то цели. Наши коды, касающиеся восприятия мира, наши ожидания и убеждения дают нам некоторые преимущества. Например, если человек считает себя вечно одиноким, ему никогда не придется испытать стресс от общения с другими людьми. Конечно, это не слишком приятное преимущество. Однако когда маг желает изменить свой код, ему следует подумать не

⁷ Для получения более полной информации обратитесь к моей первой книге – «Магия эпохи постмодерна». – *Примеч. авт.*

только о своем желании, но и о преимуществах разных кодов. Если рассматривать тот же пример, то желанием мага может быть встреча с другим человеком. И, прежде чем начать магический акт, ему стоит поразмыслить и спросить себя, каковы достоинства его нынешнего образа жизни. Маг может решить, что ему нравится быть одиноким и что никакая магия здесь не нужна. Либо он волен установить, что в формулировку желания следует включить потребность в отношениях, не вызывающих стресса. Семиотическая концепция магии подразумевает, что мы не извлекаем желания из вакуума и реализуем их тоже не в вакууме.

Семиотика также предлагает альтернативу полному забвению магического акта после его совершения. Это естественно – переживать и фантазировать по поводу своих желаний, но, делая это, можно помешать их исполнению. Не стоит считать, что беспокойство и фантазия однозначно плохи, просто следует помнить, что они постоянно «дергают» семиотическую сеть, а она очень хрупкая и уязвимая. Вывести желание за пределы сознания – один из способов позволить определенной части сети сформироваться вокруг этого желания. Однако есть и другие методы, появившиеся раньше этого и, согласно семиотической теории, они вполне действенны. Я назову три таких альтернативных варианта.

Первый подход предлагает Остин Спэр: «не нужно/не имеет значения»⁸. Согласно этому методу, человек культивирует в себе фаталистическое безразличие. Магия – это забава, и ни одно желание не является настолько серьезным, чтобы полностью овладевать человеком, – ведь вокруг есть еще много всего очень и очень занятного. Конечно, развивать в себе подобный подход бывает порой непросто. Я советую практиковать медитацию с устойчивыми, возможно даже биологическими желаниями: например, поститься в течение дня и говорить себе, что еда не нужна и не имеет значения. А можете попробовать возбудиться, а потом резко отключить свое сознание от мыслей о сексе.

Второй метод предотвращения вмешательства в наши новые семиотические сети (то же самое достигается и при забывании магического акта) – это подмена желания. Вместо того чтобы, когда возникает желание, думать, что желаемое «не нужно/не имеет значения», его заменяют другим. Например, если вы ищете работу и воображаете, какие деньги сможете получить при условии, что ваша магия подействует, замените эту фантазию какой-нибудь другой. К примеру, представьте, как станете рок-звездой или напишете книгу-бестселлер.

Третий метод, как и первый, не нов: его называют «действие в соответствии». Используя этот метод, маг делает вид, что магическая работа уже выполнена, возносит за это благодарности богам и ведет себя так, словно у него «все схвачено». Дональд Майкл Крейг рассказывает историю об Алистере Кроули, маге начала XX века, который выполнял заклинание на деньги, а потом шел и тратил несколько долларов на мороженое⁹. Мое единственное предостережение в данном случае – избегать таких действий, которые будут непосредственно напоминать вам о желании. В этом случае вы рискуете погрузиться в беспокойство и фантазии. Например, если вы хотите найти новую работу, не пишите заявление об уходе на старой. В противном случае ваш поступок, возможно, хоть будет выглядеть как действие в соответствии, но, скорее всего, заставит вас сравнивать старую работу с новой таким образом, который приведет к навязчивым тревогам и фантазиям.

Цель всех трех методов – избежать заикливания на желании. Тревога – серьезный враг магии. А фантазирование я отношу к тому же разряду, что и тревогу. Многие наши фантазии – это просто плохо замаскированное беспокойство. Зачастую мы погружаемся в фантазии, чтобы убедить себя, что наши тревоги беспочвенны, однако на самом деле они остаются. Я действительно уверен, что мы можем просто устранить беспокойство и думать о своем желании все что захотим, достигая при этом нужного эффекта. Действия в соответствии – метод, позволяющий

⁸ Spare, Austin Osman. *The Book of Pleasure (Self-Love): The Psychology of Ecstasy*. Oxford, UK: I-H-O Books, 2005.

⁹ Kraig, Donald Michael. *Modern Magic: Eleven Lessons in the High Magickal Arts*. St. Paul, MN: Llewellyn, 1988, 292–293.

нам добиться такого результата. Интересно, что слово *worry* (беспокойство, тревога) происходит от староанглийского глагола, который первоначально означал «пережевывать». Кстати, в некоторых случаях *worry* сохраняет это значение: например, мы говорим *dog is worrying bones* (собака пережевывает кости)¹⁰. Очевидно, что если вы пытаетесь сплести тонкую сеть символов, то последнее, чего вам захочется, – это пожевать ее! Так как же избежать беспокойства по поводу результатов магического акта, чтобы он мог сработать – по крайней мере, согласно семиотической модели?

Тревога, как и любая другая эмоция, – это не более чем набор символов¹¹. Поэтому, чтобы изменить эмоцию, мы должны просто изменить символы. В колледже я посещал много курсов по психологии, и на одной из лекций узнал, что большинство наших сильных эмоций – это во многом интерпретации физиологического возбуждения. Учащенное сердцебиение и мышечные спазмы в области живота мы называем «бабочками в желудке»¹², когда нервничаем, «бешено бьющимся сердцем», когда боимся, и «разбитым сердцем», когда опечалены. На самом деле это одно и то же состояние, которому даются разные символические интерпретации. Небольшой личный эксперимент¹³ подтвердил правоту профессора психологии. В очередной раз занервничав перед экзаменом, я заставил себя думать о человеке, которого находил привлекательным, и почувствовал, что теперь трактую те же самые физические ощущения как влюбленность. Когда чувствуешь себя не напуганным, а влюбленным, сдать экзамен становится проще. В этом наблюдении кроется основа техники переключения желаний, однако также мы можем найти самый корень беспокойства и устранить его (или хотя бы частично отсечь), что позволит сделать нашу магию и всю нашу жизнь лучше.

Будучи символически ориентированными существами, мы можем использовать символическую технологию, чтобы докопаться до сути беспокойства или любой другой эмоции. И величайшей из символических технологий, конечно же, является язык. Так что берите карандаш и бумагу. Мы будем рисовать модель семиотической сети, которой окружили нашу тревогу, а значит, сможем разрезать ниточки, удерживающие ее на месте, и предать ее забвению.

¹⁰ Изначально в основе этого значения лежала идея о том, что мысль беспокоящегося пережевывает его, а не наоборот, однако такие вещи в языке часто меняются местами. – *Примеч. авт.*

¹¹ Мой друг, не соглашавшийся с данной теорией, утверждал, что любовь – это не только символ. Я заметил, что здесь неуместно слово *только*, ибо все есть символы. И говоря, что любовь – это символ, мы говорим, что любовь реальна и что она не является «только» химической реакцией. – *Примеч. авт.*

¹² *Butterflies in the stomach* – английская идиома, обозначающая мандраж. – *Примеч. пер.*

¹³ В науке эксперименты всегда публичны и их личностное применение может быть лишь случайным. В магии эксперименты всегда личностны и случайным бывает их публичное признание. – *Примеч. авт.*

Модель семиотической сети

Выберите что-либо из того, что вас беспокоит, – возможно, нечто, что вы хотели бы сделать в области магии. Запишите это в центре страницы. Обведите запись кругом и расслабьтесь. Посмотрите на лист и сосредоточьтесь на своих ощущениях в области желудка. А теперь подумайте об этом предмете так, как вы думаете о нем обычно, то есть, вероятно, с тревогой. Когда вы почувствуете спазм в животе, определите, какая мысль возникла у вас в этот момент, и запишите ее, соединив линией с записью главной мысли. Возможно, у вас появится несколько взаимосвязанных мыслей – соедините их записи друг с другом. Некоторые из этих мыслей могут быть связаны с другими тревогами – отобразите на листе и это. Когда вы закончите, у вас получится более или менее сложная карта части семиотической сети, касающейся вашего беспокойства.

Затем возьмите чистый лист бумаги и снова напишите в центре, что вас беспокоит. Вы собираетесь внести какие-то осознанные изменения в эту часть семиотической сети. Она будет иметь примерно ту же форму, что и первоначальная (возможно, вы добавите или уберете несколько нитей или узлов), но содержание будет иным. На каждую идею, вызывающую у вас сжатие в животе, давайте рациональный ответ. Возможно, в этот момент вам стоит сфокусироваться не на животе, а на лбу, на месте, находящемся в одном-двух дюймах в глубь головы. Например, у вас вызывает тревогу мысль «Если моя машина сломается, то я потеряю работу». Замените ее на более рациональную: «Если моя машина сломается, мне придется ее ремонтировать и добираться на работу другим способом. Может быть, для этого придется обратиться за помощью к друзьям». Возможно, у вас есть и более далеко идущее опасение: «Если я потеряю работу, то стану бездомным!» Какой рациональной идеей вы можете заменить его? Может быть, такой: «Если я потеряю работу, мне придется найти другую. Пока этого не произойдет, я буду безработным».

Теперь у вас есть две конкурирующие карты: старая и новая. Преимущество этого метода заключается в том, что он в какой-то степени имитирует структуру старой части сети, от которой вы хотите избавиться. Соответственно, он обращается ко всем вашим базовым потребностям, но более осознанно и рационально, в большей степени «от головы», чем «от брюха». Живот полезен, потому что с помощью урчания под ложечкой сообщает нам, что мы хотим есть. В вопросах планирования ремонта авто он не так хорош.

Возьмите старую карту и символически продемонстрируйте, что она больше недействительна. Вы можете перечеркнуть ее большим крестом или убрать в какую-нибудь коробку. Можно даже уничтожить ее, однако лично я предпочитаю сохранять записи своих меняющихся мыслей. А новую карту нужно теперь поместить там, где она будет действовать, – к примеру, в каком-то месте, где вы бываете несколько раз в день. А можете просто доставать ее перед сном и быстро просматривать – читать или размышлять над ее структурой необязательно. Не исключено, что вы сочтете подобные ритуальные действия ненужными. Иногда (и даже часто) сам по себе акт создания новой карты отодвигает нас от старых привычек¹⁴.

Возможно, вы сочтете более полезным иной вариант данного упражнения. Это будет зависеть от того, предпочитаете ли вы отвечать на свою первую реакцию или склонны оставлять ее без ответа. В первом случае вы можете формулировать свои рациональные ответы прямо

¹⁴ Этот метод связан с когнитивно-бихевиоральной терапией (об этом вы можете прочесть в книге Юдит Бек (Beck, Judith). *Cognitive Therapy: Basics and Beyond*. New York: Guilford Press, 1995) и составлением ментальных карт – методом, который я считаю очень полезным, поскольку он имитирует семиотическую сеть, в рамках которой мы мыслим. Если вы хотите узнать об этом больше, обратитесь к работе Тони Бузана (Buzan, Tony). *The Mind Map Book: How to Use Radiant Thinking to Maximize Your Brain's Untapped Potential*. New York: Plume, 1996). Правда, я подозреваю, что ни практикующие когнитивно-бихевиоральную терапию, ни составители ментальных карт не одобрили бы применение этого метода в магических целях. – *Примеч. авт.*

на листе со старой сетью. При этом для обозначения важности новых мыслей и превосходства их над старыми можно использовать разные цвета или какие-то другие символы. При желании модифицируйте упражнение так, как вам позволит ваша изобретательность. Например, если вы знаете что-либо о когнитивной терапии или общей семантике, то, возможно, захотите отметить когнитивные искажения при помощи какого-нибудь кода.

Моделирование семиотической сети вокруг определенной идеи может также оказаться полезным для реализации творческих замыслов, для понимания скрытых связей между символами. К данному методу прибегают и для создания того, что я называю *мандалой сигилов*. Мандала – это круговая диаграмма, которая представляет Вселенную в различных индийских духовных практиках. Иногда мандалы используются как магические круги или как объекты медитации. Вы можете создать семиотическую мандалу сигилов, войдя в рецептивное состояние и начертить несколько сигилов вокруг центрального сигила – либо машинально, либо осознанно, в определенных местах. Мандала поможет вам преодолеть внутреннее сопротивление сложным идеям и сконцентрировать волю, направив ее к изменениям. Например, вы хотите иметь больше денег, но, возможно, у вас есть глубоко укоренившиеся и неизвестные вам представления о богатстве, которые мешают реализовать это желание. Мандала сигилов способна устранить подобные препятствия.

Манда́ла сиги́лов

Я создал разновидность мандалы сигилов – трехчастную мандалу, которая особенно полезна для осуществления сложных изменений, вызывающих у нас неосознанное сопротивление. Как я уже говорил, семиотическая теория магии подразумевает, что наши текущие семиотические коды обладают определенным преимуществом в интерпретации, что и заставляет нас их придерживаться. Чтобы изменить эти коды, нужно осознать их существование и поработать с ними, либо предусмотрев для них какое-то новое применение, либо признав, что они являются помехами. Трехчастная манда́ла сигилов предполагает работу с тремя факторами, которые я считаю важными для мотивации людей: желанием, чувством и потребностью. Центр мандалы используется для выражения желания человека посредством сигилов или каких-либо еще символов. Среднее кольцо символизирует позитивные чувства, которые вызовет исполнение данного желания, а внешнее – потребность, на удовлетворение которой направлено желание (см. рис. 1). Важно помнить, что следует фокусироваться на позитивных чувствах и личных потребностях. Например, если я ворожу на богатство, то могу предугадать, что получение денег заставит меня беспокоиться о вариантах их вложения. Беспокойство – это не позитивная эмоция, а вот радость от обретения новых возможностей – позитивная. Я сигилизирую «радость» или «возможности» вместо «беспокойства». А также осознаю, что богатство удовлетворяет мои потребности в безопасности, уважении и свободе. Кроме того, оно даст возможность заботиться о своей семье – но это уже потребности других людей, а я работаю над своим собственным сознанием¹⁵.

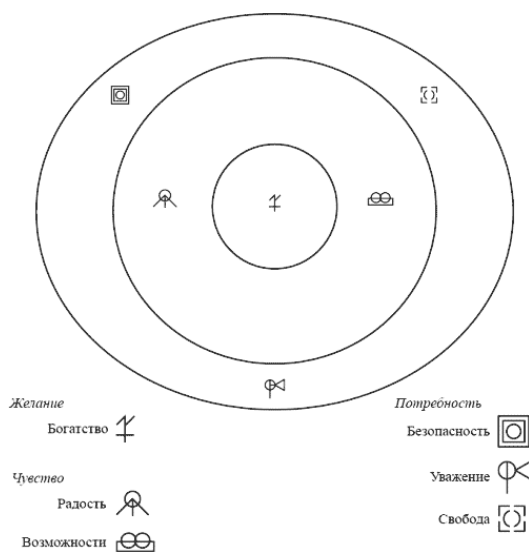

Рис. 1

Можно использовать эту мандалу как сигил, однако я предпочитаю медленный, спокойный гнозис быстрому и резкому. Мне особенно нравится гипнагогический, «дремотный» гнозис. В этом случае человек погружается в состояние сна или выходит из него, глядя на сигил или мандалу. Вы начинаете смотреть на нее, бодрствуя, а затем позволяете себе медленно погружаться в сон. Если вы почувствовали, что «проваливаетесь», заставьте себя проснуться. Возможно, поначалу для вас это будет непросто, но есть методы, помогающие достичь цели.

¹⁵ Я не имею в виду, что вы не можете проводить магическую работу с целью воздействовать на других людей. Я лишь хочу сказать, что цель преодолеть внутреннее сопротивление переменам, безусловно, должна быть сфокусирована на вас самих. – Примеч. авт.

Томас Эдисон часто использовал гипнагогический гнозис, чтобы получать новые идеи. Он отдыхал в кресле, вытянув руки по бокам. В каждой руке Эдисон держал по металлическому шарiku, а на пол под ними клал жестяные пластинки. Когда он достаточно глубоко погружался в сон, шарики с грохотом падали на жесть и будили его. Эдисон вставал и записывал свои идеи. Рон Хейл-Эванс модифицировал эту технику: он поднимал руку, которая, падая, будила его, когда он входил в гипнагогический транс¹⁶. И хотя Хейл-Эванс не использовал гнозис для магической работы, у нас нет причин отказываться от такого его применения. Преимущество данной техники, с точки зрения нашей теории, состоит в том, что сон – это место, где наша семиотическая сеть так или иначе ослабевает и перестраивается. Мы просыпаемся в новой реальности каждое утро (у вас ведь бывали сновидения, которые определяли ваше настроение на весь наступающий день?). И мы можем в некоторой степени контролировать эту перестройку реальности.

Другой вариант использования семиотической сети – дивинации. Не знаю, как вас, а меня часто не удовлетворяют традиционные расклады Таро, потому что они порой не соответствуют ситуации. Если я спрашиваю о любви, меня не волнует «финансовое положение», а если интересуюсь курсом конкретных акций, мне не нужны разъяснения о «прошлом». Выбирая расклад Таро, вы заключаете себя в определенную семиотическую сеть. Это может быть полезно, если вы занимаетесь гаданием на картах Таро профессионально, поскольку ваши клиенты зачастую не знают, в чем именно заключается их вопрос и можно ли вам доверять. Поэтому иногда бывает вполне уместно сказать им что-либо о прошлом – то, что они и так знают. Но, гадая для самого себя, я предпочитаю вариант, более точно соответствующий моим заботам. Для этого я выстраиваю вокруг проблемы семиотическую сеть. Например, если меня беспокоят денежные вопросы, я пишу в середине круга «деньги», а затем вычерчиваю нити, тянущиеся к таким идеям, как «безопасность» и «забота о здоровье». Линию, ведущую к «безопасности», я могу сделать более толстой, поскольку это наиболее фундаментальная потребность. Могу также выбрать место для «радости» или создать узел «возможностей», из которого будет исходить несколько вариантов. И так далее. Наконец, для каждого из узлов я бросаю одну или, если хочу получить больше подробностей, три карты. Возможно, я планирую получить прогноз о своем здоровье, чтобы узнать, нужно ли мне оставить какую-то сумму на медицинские расходы. А может быть, раскину несколько карт на «возможности». Иногда я веду записи о гадании на самой карте, делая более толстыми те нити, которые, как подсказывают карты, более важны, чем я думал, или создавая новые узлы, поясняющие старые.

¹⁶ Hale-Evans, Ron. *Mind Performance Hacks: Tips & Tools for Overclocking Your Brain*. Sebastopol, CA: O'Reilly, 2006.

Семиотическая теория в эвокации

Сигилы и дивинация – это не единственные возможные магические операции. Возьмем, к примеру, эвокацию, контакт с духовными сущностями. Какие новые приемы может дать в этой области семиотическая теория? В ходе эвокации человек вызывает к духу, находящемуся вне его, чтобы с ним пообщаться. Дух обычно находится в треугольнике, кристалле или другом предмете. Цель эвокации – общение, а общение – это обмен символами.

Одна из возможных моделей коммуникации представляет собой следующее: вместо того чтобы передавать информацию туда и обратно, мы просто выстраиваем похожие модели в сознании. Чем больше сходства между нашими символическими моделями, тем проще нам общаться. Если вы говорите мне «передай мне соль», то подразумеваете, что у меня те же самые представления о движении, соли и т. д., что и у вас. В этом случае все пройдет удачно. В других видах коммуникации мы не вправе рассчитывать на то, что у другого человека сложились такие же семиотические связи, как у нас. Если я говорю «мы должны бороться за свободу», то предполагаю, что вы знаете, что я имею в виду под «борьбой» (физическое насилие? политические акции?) и «свободой» (это слово использовали многие тираны, чтобы оправдать свою тиранию). Это грубая схема моей идеи, и я надеюсь, что вы сможете ее сконструировать. Я могу ошибаться, и в этом случае мне придется все начать заново¹⁷.

Мудрый человек предвидит возможные сбои в ходе коммуникации и готовится к ней, тщательно планируя все заранее. Точно так же и маг предварительно планирует общение с бестелесными сущностями.

По сути, все предметы, традиционно ассоциируемые с эвокацией, предназначены для того, чтобы облегчить вам построение символической карты, соответствующей карте духа. Маг окружает себя символами духа в виде его имени, печати, особых благований и т. д. Он принимает серьезные меры предосторожности, чтобы отделить себя от духа, – ведь существует опасность, что сознание мага окажется настолько похожим на сознание духа, что маг станет им. Затем он зачитывает традиционную или самостоятельно составленную молитву, чтобы подтвердить перед духом свой авторитет и наладить контакт. Маг обращается к духу по имени, вспоминает определенные божественные имена, исторические и мифические события, направляя духа на те или иные действия. Все это служит созданию семиотического кода, который все больше и больше становится похож на код духа, в результате чего маг получает возможность воспринимать духа и общаться с ним. Мы привыкли к грубой форме коммуникации, когда задействуются вибрации воздуха или графические, начертанные на бумаге символы, которые «подцепляют» нашу семиотическую сеть и перекраивают ее. А в нашем случае маг должен полагаться на нечто вроде шпионской слежки на расстоянии. Маг должен надеяться, что нематериальная сущность изменит его семиотическую сеть так, что она станет в достаточной степени похожа на ее собственную, тем самым сделав общение возможным.

В этом ракурсе опасности эвокации становятся очевидными: мы можем обрести такое сходство с духом, что потом нам будет сложно снова стать самими собой. Поэтому нам и нужны круги, магические кольца и т. п. – это символические якоря, которые возвращают нас ощущение самих себя, если процесс идет *слишком* хорошо. В любом случае вопрос не в том, стоит ли проводить эвокации, а в том, как семиотическая теория магии совершенствует наш подход к эвокации. В частности, она позволяет нам понять, какие нужно принимать меры предосторожности. Нам необходимо обезопасить свой разум, свое сознание, сформировав четкое пред-

¹⁷ Эта идея наиболее красноречиво и убедительно раскрыта М. Дж. Редди (M. J. Reddy) в статье о так называемых метафорах канала связи (*The Conduit Metaphor – A Case of Frame Conflict in Our Language about Language*. In *Metaphor and Thought*. A. Ortony, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, 284–297). – *Примеч. авт.*

ставление о собственной морали, о своих предпочтениях, антипатиях и предрассудках. Кроме того, семиотическая теория говорит о том, как готовиться к эвокации. И пусть мы не хотим полностью идентифицироваться с духом, она помогает нам понять его – например, с помощью игры, которую я называю «Что бы сделал Буер?». Буер – это просто один из духов, перечисленных в «Малом ключе Соломона». Вместо Буера¹⁸ можно взять имя любого другого духа. В игре «ЧБСБ» вы наблюдаете за ситуациями и спрашиваете: «ЧБСБ?» Согласно гримуару¹⁹, Буер исцеляет все душевные расстройства. Какие персонажи в вашей «комедии положений» страдают душевными расстройствами и как Буер может их исцелить? Если речь идет об игре в компьютерные «стрелялки», вы можете спросить: «Как бы Буер решил эту проблему?» Буер появляется в виде кентавра с луком и стрелами, поэтому он может стремительно передвигаться и стрелять с определенной дистанции. Я бы не советовал применять игру «ЧБСБ» при решении важных жизненных проблем – это слишком приближает вас к инвокации и полной идентификации с духом. А незначительные, несерьезные вопросы дадут вам шанс создать основу для коммуникаций с Буером, когда вы будете его эвоцировать.

Мы можем также прибегать к моделированию семиотической сети для Буера, причем со временем она становится достаточно сложной. Маг создает в своем сознании пространство для Буера, чтобы общаться с ним, что опять-таки требует готовности установить определенную связь с духом. И это одна из причин, по которым я призываю людей не эвоцировать опасных или потенциально опасных существ. Рисуя семиотическую сеть для Буера, мы начинаем с его имени, затем протягиваем нити к его свойствам, известным из гримуаров. После этого заполняем новые круги, основываясь на своих наблюдениях. По мере того как вы начинаете понимать духа, от узла «исцеляет все душевные расстройства» могут вырасти, например, нити «огнем» и «не всегда полностью». А может быть, вы поймете духа иначе. Подобная графическая форма имитирует способ хранения информации в нашем сознании, и отображение системы соответствий духа в такой форме помогает освободить в сознании пространство для него.

Помимо этого можно использовать семиотическую теорию для понимания и изменения наших вербальных молитв. Каждая эвокация включает в себя инвокацию божественных сил, обращение к духу и послание (здание). Инвокация должна быть, конечно же, обращена к тому аспекту божественного, к которому вы чувствуете притяжение. Если вы не особенно верите в божества, вам следует найти что-то другое, что, во-первых, возвысит ваше самоощущение, во-вторых – даст вам власть вызывать духов и командовать ими (или, по крайней мере, просить их о чем-то). Обращение может включать в себя информацию, собранную вами в ходе подготовительного самонаблюдения и созерцания. И еще одна рекомендация: послание следует формулировать в терминах, которые духу будет проще принять и понять. Другими словами, можно направить свою просьбу в такой форме, чтобы она вызвала необходимую символическую реакцию. Например, если вы хотите быть исцеленным, попробуйте рассказать о своей болезни в средневековых, а не в современных медицинских терминах. В дополнение или вместо этого можно также сигилизировать свое послание и представить его духу как графическую репрезентацию вашего символического желания.

Если маг воспринимает магию сквозь призму семиотической теории, то его действия не будут отличаться от действий тех, кто использует другие концепции. Однако это не значит, что между ними действительно нет различий. Если теория нравится магу, то это, вероятнее всего, приведет его к новым прозрениям. Хотя и традиционный маг, и маг-семиотик могут взывать во время ритуала к Адонай, однако первый придает этому имени лишь значение «Господь мой»,

¹⁸ Я использую Буера отчасти потому, что он оказал мне услугу, а также потому, что он, возможно, самый безобидный среди демонов «Гоетии». – *Примеч. авт.*

¹⁹ В данном случае речь идет о «Гоетии», хотя существуют и другие гримуары. – *Примеч. авт.*

а второй видит в нем означающее, которое определенным образом вписывается в его семиотическую сеть. Я могу воспринимать его как имя базисной субстанции бесконечных качеств, а вы можете представлять его как обладающее сознанием антропоморфное существо, играющее особую роль в нашей общей культурной истории. Однако мы оба способны понимать имя как символ, который отсылает к набору означаемых, полезных для проводимой нами магической операции. Фактически, маги, знакомые с семиотической теорией, могут намеренно делать какие-то вещи «неправильно», поскольку знают о том, что их семиотическая сеть неповторима и индивидуальна. Например, мои магические элементарные орудия – это ветка терновника, жеода, наконечник стрелы и глиняная чаша. С позиций церемониальной магии (магии того типа, который я чаще всего практикую), на орудиях должны быть начертаны магические имена и символы, а сами они должны представлять собой жезл, диск, кинжал и кубок. Однако мои орудия символически значат для меня намного больше, чем те, что входят в традиционный набор.

Бесконечное множество вариантов имеет одно универсальное магическое орудие – язык. Каждое магическое действие требует применения языка, даже если это всего лишь концептуализация и определение желания. Язык – странная, мистическая вещь: он соединяет разум и материю, он происходит неизвестно откуда и состоит в сложных взаимоотношениях с нашими мыслями. Неудивительно, что он является готовым магическим орудием. В следующей главе я объясню, как лингвистика может пролить свет на применение языка в магии и в теоретическом, и в практическом плане.

Глава 2

Язык как мост между сознанием и материей

Язык соединяет ум и тело, сознание и материю. Мы можем обдумывать свои идеи молча, про себя, но можем и произносить их вслух, изменяя материю (создавая колебания воздуха) и таким способом кодируя смыслы. Говоря на том или ином языке, мы имеем возможность кодировать свои мысли в виде знаков на бумаге, оттисков на глине или намагниченных частиц компьютера – чтобы, закодировав, затем расшифровать. Представьте себе книгу в библиотеке – книгу, которую когда-то положили на полку и которая лежит там, пыльная и позабытая. Это последний экземпляр издания, и другого такого в мире нет. Но если никто не находит эту книгу и не открывает ее, остается ли она вместилищем тех идей, что в ней записаны? С одной стороны, конечно, нет – когда нет ни одного ума, который бы мог понять эти слова, они всего лишь частицы типографской краски на бумаге. Но, с другой стороны, книга существует, и однажды какой-нибудь человек может найти ее, открыть, прочитать и вернуть эти слова из забвения, выпустить в мир облеченные в слова мысли. Книге необходимы руки, которые бы держали ее, глаза, которые бы смотрели в нее, и ум, который бы переводил ее графические знаки в слова языка. Однако при этом книга и заключенные в ней мысли существуют... где-то вне тела.

Человек действительно уникален среди других живых существ, потому что, в отличие от всех их, мы созданы для языка, а язык создан для магии. Язык исходит от тела, распространяется материальным путем и ведет к изменению разума – как каждого индивидуума, так и Мирового Разума. Чтобы понять, в чем состоит магическая роль языка, следует уяснить, как язык функционирует в физическом и ментальном отношениях.

Материя звука

Начнем с наших толстых губ. Попробуйте вытянуть их вперед, будто бы вы намерены кого-то поцеловать. Растяните их пошире в усмешке – так, чтобы были видны зубы. Сожмите их, оставив маленькую круглую дырочку, словно для того, чтобы пить через соломинку. Сомкните губы. Сожмите их плотно и надуйте щеки: ваши губы становятся непроницаемым заслоном. Наконец подвигайте языком между зубами и верхней губой: заметили, как много там места? Наши губы невероятно гибкие – гораздо более гибкие, чем это нужно для того, чтоб удерживать пищу во рту. Вообще, гибкими губами обладают очень немногие млекопитающие, среди них, например, обезьяны. А посмотрите на собачьи губы – если их вообще можно назвать губами. Собака может обнажить зубы, но она не способна поджать губы, сомкнуть их, делать ими вибрирующие движения или производить чмокающие звуки. С помощью губ мы можем произнести звуки /b/ и /p/ – например, в словах *bridge* (англ. «мост», а также «бридж», название карточной игры²⁰) и *poker* («покер», название карточной игры). Мы также можем произнести звук /w/ – к примеру, в слове *wist* («вист», название карточной игры). Мы способны округлить губы, чтобы произнести звуки /o/ и /u/, как в слове *truco* («трюко», прием игры в бильярд).

На несколько минут отвлечемся от губ и обратим внимание на зубы. Если мы здоровы, у нас 32 зуба (или парой больше, в зависимости от того генетического варианта, который в нас реализован), то есть столько же, сколько путей мудрости в каббале. Сзади у нас – имеющие форму цветка коренные зубы, которые измельчают пищу, а спереди – решетка плоских резцов, передних зубов. Пользуясь резцами и губами одновременно, позволяя им действовать совместно, мы можем произнести звуки /f/ и /v/ – например, в словах *football* («футбол») и *volleyball* («волейбол»). Можно научить собаку играть в волейбол, но, даже если она будет гениальной, вы не сумеете научить ее произносить название этой игры: она не способна сблизить нижнюю губу и передние верхние зубы, как это можем мы.

Задними, коренными зубами мы можем надавить на язык так, чтобы, говоря, например, на гэльском языке²¹, произнести звук <ll>²², который встречается, скажем, в имени собственном *Llewellyn* (Ллуэлин). Говоря по-английски, мы пользуемся этим удивительным органом – языком, чтобы произносить другие звуки. Как уже отмечалось, немногие животные имеют столь гибкий язык, да и те, у которых он есть (например, муравьеды), используют его исключительно для манипуляций с пищей. Наш язык тоже выполняет функции, связанные с потреблением пищи, однако для этих целей ему совсем не нужно быть таким пластичным и чувствительным. Ударяя языком по бугорку, который находится как раз за верхними передними зубами и называется альвеолой, вы можете произнести звуки /t/ и /d/ – они есть, к примеру, в словах *tennis* («теннис») и *dodgeball* («игра в вышибалы»). Если вы держите кончик языка ближе к альвеоле и пропускаете воздух через образовавшуюся щель, то можете произнести звуки /s/ и /z/ – как в словах *soccer* («футбол») и *zanga* (название карточной игры). Но и это еще не все: задняя часть языка способна изгибаться и смыкаться с тем местом, где твердое нёбо переходит в мягкое нёбо – велум, или нёбную занавеску, – и мы произносим звуки /g/ и /k/, как, например, в словах *canasta* (название карточной игры) и *golf* («гольф»). Вы можете даже быстро перепрыгнуть с /t/ на /k/. Ни одно животное не имеет такого гибкого и подвижного языка.

²⁰ Здесь и далее в скобках приведен перевод английских слов. – *Примеч. ред.*

²¹ Гэльский язык – язык шотландских кельтов. – *Примеч. ред.*

²² По договоренности лингвисты используют косые скобки, например /kot/, для обозначения звуков и фигурные, например, при орфографическом написании. – *Примеч. авт.*

Смотрим дальше. Самой задней частью языка мы способны прикоснуться к частице плоти, которая свисает в задней части глотки и называется увула. Она может вибрировать, смыкаясь с задней частью языка, – так произносится французский /r/. Увула может также перекрыть глотку – чтобы, например, мы произнесли звук /q/, обозначаемый буквой ивритского алфавита *qoph* (Коф). В английском языке такие звуки не используются, однако мы можем их произносить. Стоит лишь немного потренироваться – и вам удастся произнести любые звуки любого языка, даже очень необычные, состоящие из щелчков и свистов, какие есть в некоторых экзотических языках.

Еще дальше мы найдем два тонких мышечных клапана, которые могут соединяться, когда мы едим. Фактически они соединяются, чтобы предотвратить вдыхание пищи²³. Но то, что для животных является автоматическим, человек способен контролировать – это означает, что вероятность случайно вдохнуть пищу и подавиться для нас намного больше. Почему же эта опасность подавиться является эволюционным преимуществом? Потому что способность контролировать эти створки голосовой щели, голосовые связки, позволяет нам произносить много разных звуков. Мы можем сдвигать их полностью, когда в результате гортанной смычки получается щелкающий звук (такой, как, например, кнаклаут в немецком языке). Также голосовые связки, эта пара тонких мускулов, могут вибрировать или не вибрировать – соответственно, в первом случае получаются звонкие согласные звуки (как /b/ в слове *bridge*), во втором – глухие (/p/ в *poker*). Вибрация либо ее отсутствие определяет разницу между звуками /z/ и /s/, /v/ и /f/ и многими другими.

В ротовой полости мы также обнаружим проход, который ведет к носовым пазухам. Обычно этот проход играет роль стока и воздухопровода, при этом мы можем перекрыть проход воздуха через рот и заставить его проходить через нос, изменяя качества звуков. Так произносятся звуки /m/ и /n/ – например, в словах *new* («новый») и *market* («рынок»). В общем, пространство от голосовых связок до губ предоставляет нам широкие возможности для произнесения сотен различных звуков, хотя, например, в английском языке можно обойтись сорока или сорока пятью звуками в зависимости от особенностей произношения. Компьютеры способны кодировать целые библиотеки данных, используя всего два разряда – 1 и 0, – значит, сорока звуков языка достаточно для того, чтобы с их помощью качественно выразить самую разнообразную информацию.

Наконец, еще один орган служит доказательством того, что человеческий организм хорошо приспособлен к произнесению различных звуков. Этот орган – легкие. Чтобы произнести какой-либо звук, мы должны создать струю воздуха и протолкнуть ее через сложный механизм глотки, рта и носа. К счастью, наши легкие очень хорошо приспособлены к тому, чтобы толкать воздушную струю. И это при том, что у них есть основная задача – отделять кислород от азота и путем выдоха удалять из организма полученную в результате углекислоту. Эту очистительную систему мы одновременно используем как механизм для общения и выражения мыслей.

С точки зрения физиологии, человеческое существо – это механизм для произнесения звуков. Наши способности к звукообразованию столь широки и разнообразны, что мы можем имитировать звуки, издаваемые животными. Однако более важна наша способность кодировать информацию и передавать ее так, как это не способно делать ни одно животное. Дельфины владеют сложной системой звуков, и некоторые обезьяны обучены элементарным знакам языка, но никто из них не способен управлять такой сложной системой, какой является человеческий язык. Фактически каждый человек, если у него нет патологий, знакомясь с родным языком с рождения, без усилий развивает свою способность говорить на нем и понимать его.

²³ Стоит уточнить, что проникновению пищи в дыхательные пути препятствуют в первую очередь не голосовые связки, о которых здесь пишет автор, а надгортанник – он прикрывает вход в гортань при глотании. – *Примеч. ред.*

Более того, если ребенок начнет осваивать другой язык до того, как ему исполнится 13 лет, он тоже овладеет им легко и даже разграничит два языка, осознавая, что это два разных инструмента коммуникации. Даже если ребенок не может говорить или слышать из-за физиологических нарушений, он при соответствующем обучении осваивает язык жестов – а этот язык не является переводом в жестовую форму обычного языка. Язык жестов имеет свою собственную грамматику и принципы функционирования.

Тело, в свою очередь, обеспечивает существование языка: оно является средством создания вибраций в воздухе (в данном случае я не касаюсь слуха) и расшифровки их. Тело как часть нашей сущности должно быть всесторонне понято и изучено – для того чтобы мы могли понять и объяснить язык и использовать эти сведения как ключ к дальнейшему познанию. Хочу предложить вам несколько упражнений. Вы можете выполнить их или пренебречь ими, но, по моему мнению, эти упражнения будут способствовать тому, чтобы вы лучше узнали свое тело. После них вам будет проще освоить эксперименты более тонкого характера. Я начну с упражнений для легких, потому что дыхание – это основа языка для большинства людей и потому что дыхание связано с магией и религией посредством идеи жизни как таковой. Слово *spirit* («дух») происходит от латинского *spiritus*, имеющего значение «дыхание». Ивритское *ruach*, «душа», восходит к тому же корню, что и слова, обозначающие в иврите понятия «воздух» и «дыхание», тогда как *nefesh* – слово, обозначающее душу животного, происходит от того же корня, что и глагол со значением «дышать».

Дыхание

Наш пульс, если мы специально не тренировались, преимущественно не подвластен контролю сознания, но дыхание может одновременно и находиться под нашим контролем, и осуществляться автоматически. Чтобы понять, каковы границы этого контроля и какую жизненно важную роль играет дыхание, определяющее состояние нашего сознания, попробуйте выполнить следующее упражнение. Внимание! Если вы страдаете заболеваниями сердца, дыхательной системы либо какими-то другими, из-за которых эти упражнения могут навредить вашему здоровью, вам следует просто прочитать и обдумать то, что написано далее, но не применять на практике.

Итак, начните дышать медленно и глубоко, чувствуя, как воздух наполняет легкие, расширяя их. Легкие приводит в движение плоская листообразная мышца, диафрагма, находящаяся непосредственно под грудной клеткой. Посредством рывков она опускает легкие, чтобы те наполнились воздухом, и поднимает, чтобы они опорожнились. Почувствуйте силу этой мышцы. Заметьте: целенаправленно думая о ней, вы контролируете ее; когда же вы рассеяны, она легко движется автоматически. Попробуйте определить тот самый момент, когда происходит это движение.

Сейчас, между вдохом и выдохом, не завершая вздох, остановите диафрагму. Пусть дыхание прекратится. Чувствуете нарастающую боль? Причина этой боли – углекислота, возрастание количества молочной кислоты и – более всего – недостаток кислорода. Начните дышать, потом зажмите нос. Вы заметите, как появится головная боль, начнут дергаться мышцы челюсти и глотки, ощутите давление на глаза. Вам захочется открыть рот. Зрение немного затуманится. Позже зрение может вообще померкнуть, и вы потеряете сознание. Но, если вы действительно окажетесь в обмороке (хотя доводить эксперимент до этого я не рекомендую), диафрагма снова начнет двигаться и легкие возобновят насыщение крови кислородом. Не удерживайте дыхание до потери сознания, старайтесь держаться на той точке, когда ощущается сильное давление. Сделав наконец вдох, обратите внимание на сознание: о чем вы думаете? Возможно, окажется, что ни о чем, – на какое-то время ваше сознание затемнится, потому что мозг, сберегая кислород, останавливает мыслительную деятельность и в стремлении получить следующий вдох уподобляется мозгу животных. Не правда ли, после того как вы удерживали дыхание, первый вдох доставляет немалое удовольствие?

Приток кислорода проясняет разум и улучшает настроение. Есть и другой способ увеличить объем кислорода в крови – контролируемая гипервентиляция. Упражнение, о котором вы сейчас прочтете, следует выполнять некоторое время спустя после выполнения первого или, возможно, в другой день. Оно противоположно первому: если в первом вы управляли диафрагмой для того, чтобы остановить дыхание, то здесь вы будете контролировать движение диафрагмы с целью преднамеренной гипервентиляции, чтобы почувствовать переизбыток кислорода в крови. Если у вас проблемы со здоровьем или вы испытываете тревогу, это упражнение может быть опасно и выполнять его не следует.

Лягте, руки согните, сложив ладони на затылке. Сделайте глубокий вдох, затем с помощью диафрагмы вытолкните воздух из легких с такой силой, с какой только можете. После этого диафрагма естественным образом опустится и воздух втянется в легкие. Снова быстро вытолкните воздух. Вам захочется дышать все глубже и глубже – намного глубже, чем обычно, – и вытеснять больше воздуха, чем мы вытесняем при обычном дыхании. Попробуйте почувствовать легкие до самого дна.

Вы перенасытите кровь кислородом и вскоре почувствуете покалывание в конечностях. В этот момент следует остановиться и вернуться к нормальному дыханию, даже если вы заметите,

что дыхание постепенно становится менее глубоким. Вы не почувствуете какого-либо дискомфорта или удушья, потому что ваш организм не будет испытывать кислородного голодания.

Если получится, обратите внимание на состояние рассудка. Возможно, вы почувствуете небольшое головокружение или легкую эйфорию. Из-за кислородной интоксикации у вас могут быть галлюцинации – видение ярких вспышек света, ощущение покоя и благополучия, даже может прийти озарение – вы вдруг поймете, как решить проблему, которая раньше ставила вас в тупик. Кроме того, после упражнения вы, возможно, ощутите кислый вкус во рту или иные симптомы желудочно-кишечного стресса, поскольку переизбыток кислорода заставляет организм работать быстрее.

Оба упражнения демонстрируют очевидную связь между дыханием и состоянием ума. Неудивительно, что во многих культурах и во многих языках для обозначения понятия «дух» берутся слова, обозначающие дыхание. Очевидно, что оба упражнения достаточно экстремальны, и в ритуалах их используют очень осторожно. Если вы во время ритуала удерживаете дыхание до потери сознания, то можете причинить себе вред – скажем, упав на зажженные свечи. А если вы, отправляя ритуал, попытаетесь сделать гипервентиляцию, не исключено, что столкнетесь с трудностями при произнесении заклинаний. К счастью, связь между сознанием и дыханием достаточно тонкая. Мы можем управлять состоянием рассудка с помощью грубых методов типа самоудушения или самостоятельной гипервентиляции (и иногда испытываем потребность в этих способах, преследуя определенные магические или мистические цели), но это управление мы способны осуществлять и посредством более мягких, не столь серьезных изменений дыхания. Например, следующее упражнение учит использовать ритмическое дыхание с целью расслабления ума на глубинном уровне для магической практики.

Четырехкратное дыхание

Начнем с того, что примем удобное сидячее или стоячее положение (это упражнение также можно выполнять лежа, но я рекомендую освоить его сидя и стоя, поскольку в этих положениях тела вы не спутаете состояние расслабленности с состоянием сна – ведь обычно мы испытываем подобного рода расслабление, когда засыпаем). Если вы сидите, положите ладони на бедра – эта поза в церемониальной магии известна как поза бога, поскольку многие египетские божества изображены сидящими в ней. Если же вы стоите, держите руки вдоль туловища, а ладони поверните назад; расслабьте плечи – так, чтобы руки свободно свисали, не были зажатыми. Эту позу иногда называют позой палки, потому что человек стоит прямо, словно жердь. В обеих позах ваша спина должна оставаться прямой, причем естественно прямой – то есть слегка изогнутой, но не сутулой. Если вы беспокоитесь о том, что выпрямить спину вам трудно, представьте себе веревку, которая прикреплена к вашей макушке и слегка тянет голову вверх. В положении стоя согните слегка колени – это поможет выпрямить нижнюю часть спины. В сидячем положении можно подложить под низ спины небольшую подушку и не опираться на спинку стула.

Приняв позу, наблюдайте за дыханием, не управляя им. Дыхание должно быть в центре вашего внимания, вы должны тихо говорить себе: «Сейчас я делаю вдох» и «Сейчас я делаю выдох». Это упражнение по праву считается действенной медитацией, и я обычно рекомендую выполнять его для прояснения ума. Но в данном случае мы не преследуем цель достичь какого-то результата, касающегося магии или психологии, поэтому не будем на этом останавливаться.

В тот момент, когда вы начнете чувствовать вдох, когда ощутите и осознаете, какой большой объем воздуха вмещают ваши легкие за один вдох, начните считать до четырех во время вдоха. Когда легкие заполнятся воздухом на 70–80 %, задержите дыхание на те же четыре счета. Затем выдыхайте, вновь считая до четырех. Перед вдохом опять задержите дыхание на четыре счета. Это упражнение известно под названием «четырекратное дыхание». Подобно гипервентиляции оно способствует тому, что объем кислорода в крови возрастает, причем это достигается без вреда для организма и без напряжения. Дыхание замедляется, одновременно с этим расслабляется сознание. Если, выполняя упражнение, вы почувствуете напряжение или дискомфорт, замедлите или ускорьте счет, пока вам не удастся удерживать определенный ритм, не испытывая неприятных ощущений.

У вас может возникнуть желание контролировать расслабление мышц от ног до головы – так же, как вы контролируете дыхание. Но даже без вмешательства сознания, если вы фокусируетесь исключительно на дыхании, мышечное напряжение спадет. Если вы ощущаете небольшие приступы боли в мышцах при их расслаблении, не беспокойтесь. Они быстро пройдут и означают лишь то, что вы испытываете значительный стресс. Также вы можете почувствовать сильные эмоции, то появляющиеся, то покидающие вас. Не концентрируйтесь на них, позвольте им оставить вас и не обдумывайте их. В конце концов вы почувствуете: ваше тело расслаблено настолько, что, хотя вы и не утратили способность двинуть рукой, нет никакого желания это делать. Вероятно, вы ощутите тепло и комфорт. Вам может показаться, что вы хотите спать – при этом на самом деле вы будете достаточно бодры (за исключением тех случаев, когда находитесь в состоянии хронического недосыпа). Просто в данном случае вы примете за сонливость глубокую расслабленность.

Это состояние способствует притуплению способности мыслить критически. Вы становитесь открыты для внушения. Именно данное состояние лежит в основе такого известного явления, как постгипнотическое внушение. Некоторые люди приходят к гипнотизеру, чтобы тот ввел их в гипнотический транс и путем внушения заставил правильно питаться или бросить курить. Некоторые гипнотизеры в своей практике опираются на склонность человеческого

сознания к внушению (а также на желание человека нравиться другим, быть в центре внимания) и побуждают людей в состоянии гипноза делать что-либо смешное для развлечения зрителей. Однако маги используют это состояние ума для целей, с одной стороны, более тонкого, с другой – более практичного характера. Мы расслабляемся для того, чтобы снять все препятствия, которые ежедневно воздвигает наше сознание.

Когда вы творите магический обряд, направленный на рост благосостояния, какие мысли посещают вас? Мечта о материальных благах? Чувство вины из-за этой мечты? Возможно, вы не думаете именно о деньгах или о чем-либо еще. Но если ваши желания не объединены и вы рассеянны, совершать магические действия трудно. Вы можете нуждаться в деньгах, но намерены ли вы хотеть их? Глубокое расслабление помогает объединить желания, потому что избавляет нас от тех сомнений и хаоса в мыслях, которые присущи бодрствующему сознанию. Оно возвращает нам уверенность и доверие к себе.

Применение определенного способа дыхания для расслабления точно соответствует магическому использованию языка, поскольку практически любой человеческий язык начинается с дыхания. И подобно языку, который связывает материальный мир с миром идей, дыхание связывает мир нашего тела и мир нашего ума. Многие маги не берут во внимание тело – и тем самым в конце концов причиняют себе вред. Материя – это пена, которая плывет по океану сознания, но она все-таки часть океана, и ей не следует пренебрегать. Мы создаем тайну с помощью наших умов, но пользуемся ей посредством наших тел, и об этом не следует забывать. И как тело связано с разумом, так и рот связан со звуками, которые мы с его помощью произносим. Изучением этой связи занимается наука фонетика. Термины фонетики помогут нам обсудить возможные соответствия между звуками и магическими символами.

Звуки языка

Как мы уже упоминали, количество звуков речи огромно. Международный фонетический алфавит, алфавит звуков речи, пригодный для описания произношения любого слова в любом языке, насчитывает 74 основных согласных звука и 25 гласных. Однако чтобы вам стало понятно, какое множество звуков существует на самом деле, давайте посчитаем. Каждый из основных 25 гласных можно произнести в голос, шепотом или наполовину в голос (скрипучим голосом), в результате получается $25 \times 3 = 75$ возможных гласных. При этом каждый из них может быть назализованным (произнесенным через нос) либо неназализованным – значит, число гласных возрастает до 150. Более того, каждый из этих 150 может быть долгим, кратким или полудолгим – следовательно, получаем 450 потенциальных гласных. И снова каждый из них в некоторых языках при произношении может иметь несколько разных тонов (в кантонском диалекте китайского языка, например, девять тонов гласных). В итоге мы получаем огромное количество гласных звуков, которые могут существовать в языках! А ведь есть еще согласные! (Кстати, я не брал в расчет очень редкие звуки – например, щелчки и свисты.) К счастью для нашего рассудка, нам достаточно научиться произносить намного меньше звуков – только те, что относятся к определенному языку. Так, в английском их около 40. В этой книге, из-за ограничений места и времени, я обращаюсь к звукам английского языка (иногда, в тех случаях, когда не смогу без этого обойтись, буду затрагивать иврит).

Фонетика – это наука о звуках языка. Звуки относятся к тем немногочисленным лингвистическим явлениям, которые нам действительно понятны, причем хорошо. Мы, например, знаем, что приобретаем способность произносить определенные звуки очень рано, в том возрасте, когда еще не в состоянии научиться собственно языку. По этой же причине взрослым трудно освоить второй язык так, чтобы говорить без акцента, поскольку привычки произношения мы переносим на другой язык. Например, говоря по-английски, мы привыкли произносить звук /t/, помещая язык на выступ, находящийся за верхними передними зубами. Те, кто говорит на испанском, произносят этот звук, поместив кончик языка как раз на передний край этого выступа. Отличие состоит всего в миллиметре, но мы слышим, что испанский /t/ другой – даже в том случае, если поначалу не можем его произнести. Наши уши точно настроены на то, чтобы слышать малейшие вариации произношения.

О магическом использовании звуков речи вне зависимости от их функции в языке написано очень мало. Самыми ранними и наиболее полными сочинениями на эту тему, вероятно, являются фрагменты заклинаний из Греческих магических папирусов. Эти заклинания, преимущественно теургические по своей сути (поскольку имеют отношение к богам), содержат длинные ряды гласных. Приблизительно в середине I века до н. э. Филипп Иудей (чье имя явно отсылает как к каббале, так и к греческой теургии) связывал семь гласных греческого языка с семью видимыми планетами²⁴. Важно заметить, однако, что гласные, о которых говорит Филипп Иудей, это не звуки, которые реально произносятся в речи, а буквы – графические, письменные изображения гласных звуков. Например, в английском языке есть только пять букв для обозначения гласных (или шесть, если считать «Y»). При этом у нас 12 (или около того, в зависимости от диалекта и произношения) гласных звуков. В действительности самый распространенный в английском языке гласный звук /ə/ (например, конечный звук в слове *sofa*, «диван») не имеет собственной буквы в английском алфавите. Этот звук называется «шва» (то есть нейтральный гласный), и в Международном фонетическом алфавите он обозначен перевернутой строчной буквой «Е» – «ə». При этом в английском правописании он может обозна-

²⁴ Barry, Kieren. *The Greek Qabalah: Alphabetic Mysticism and Numerology in the Ancient World*. York Beach, ME: Samuel Weiser, 1999, 38.

чатся пятью разными знаками: буквой «А», как, например, в слове *sofa* («диван»), или буквой «Е», как в слове *receipt*²⁵ («квитанция, чек») и т. д. При этом мы имеем дело с одним и тем же гласным звуком. Ни один язык не располагает такой системой письменности, которая бы совершенно точно отражала всю фонетику языка (все его звуки)²⁶. Поэтому Филипп Иудей в своей работе рассматривает греческие буквы, а не звуки, которые этими буквами обозначаются.

Магическое изучение звуков речи, в отличие от изучения письменности, осуществляется редко. Частично проблема состоит в том, что люди до относительно недавних времен не осознавали, в чем состоит разница между фонетикой (звуками языка) и системой письменности (алфавитом, правописанием). Лингвистика – это, по большому счету, наука XX века. Алистер Кроули сделал хоть и грубую, но талантливую попытку объяснить магическое значение звуков – по крайней мере, иврита:

*Я поставил перед собой вопрос: когда я каким-то образом произношу звук, какие мысли имеют склонность возникать в моем сознании? (Если попробовать сделать это публично, люди могут удивиться)...Мы называем этот день днем начала операции²⁷ и сбрасываем военно-воздушный десант. Звук /d/ острый, быстрый, сильный, взрывной, он рубит энергично. Сейчас я не могу сказать, будете ли вы связывать его с эякуляцией, с идеей отцовства. В любом случае, очень многие люди выражают эту связь в речи. Даже сегодня дети инстинктивно выбирают для обозначения отца слово *dad*, хотя этого нельзя допускать из-за того, что такая идентификация может оказаться ошибочной²⁸.*

В таком же духе Кроули проанализировал звуки /n/, /l/, /s/, /m/ и /r/. Его метод состоит в смешении интроспекции с исторической лингвистикой. К сожалению, во времена Кроули историческая лингвистика была весьма несовершенна, и он неосознанно полагался на предположения, которые для нас сейчас выглядят абсурдными (такова, например, теория о санскрите как о самом древнем из доступных нам языков; сейчас реконструирован протоиндоевропейский язык, от которого произошел санскрит, а также протогерманский, протолатинский и протогреческий языки). Кроули в значительной степени опирается на физическое ощущение звука, обозначаемого буквой. Так, он указывает, что произношение звука /s/ требует обнажения зубов. Это утверждение неверно для моего диалекта английского языка, но тем не менее интересно. Кроме того, я думаю, что Кроули был, по большому счету, на правильном пути. Фокусируя внимание на физическом восприятии звука и на обусловленном этим восприятием изменении сознания, он помогает нам понять символическую роль звука нашего языка в нашей символической вселенной.

Однако здесь возникает вопрос: а зачем это нужно? Что нам даст понимание символической роли того или иного звука речи? У меня на этот счет возникло несколько соображений, а вы, в свою очередь, можете подумать и предложить другие. Во-первых, знание символического значения звуков речи способно помочь нам в интерпретации слов и имен. Встретив во сне духа, который говорит, что его зовут *Tak*, мы зададимся вопросом, что эти три звука – /t/, /a/ и /k/ – вместе означают. Таким образом можно раскрыть, какое послание *Tak* пытается нам передать, – равно как если бы нам дали возможность услышать это послание полностью от

²⁵ Если вы произнесете это слово медленно или особенно четко, то первый гласный будет звучать скорее как /i:/, чем как /э/. Этим можно объяснить отсутствие в английском языке буквы для шва. Шва – результат тенденции безударных гласных сдвигаться по месту произношения к центру ротовой полости и терять свои артикуляционные признаки. Исходный гласный звук часто скрывается за шва и проявляет свои настоящие признаки, оказавшись под ударением (так, например, в ударной и безударной позициях может быть артикль *the*). – *Примеч. авт.*

²⁶ Впрочем, некоторые языки к этому весьма близки – например, корейский, итальянский, язык индейцев чероки и некоторые другие. – *Примеч. авт.*

²⁷ День начала операции по-английски *D-Day*. – *Примеч. пер.*

²⁸ Crowley, Aleister. *Magick Without Tears*. Scottsdale, AZ: New Falcon, 1991, 408, 411.

самого духа. Во-вторых, подобно эллинам, мы можем использовать звуки в иной, чем та, что они имеют в языке, функции – в заклинаниях, соотнося эти звуки с их символическим значением. Например, если мы соотносим звук /t/ с Меркурием, а /a/ – с воздействием, то можем применять слог /ta/ в качестве мантры для заклинания Меркурия. Конечно, такой подход опасен из-за своей механистичности. Нам следует попытаться объединить все звуки в одну таблицу – большую сводку соответствий. За этим занятием мы бы немного развлеклись, выйдя за пределы магии и языка.

Тем не менее познание символической природы некоторых звуков весьма полезно, даже если мы не создаем полный перечень соответствий всех звуков. Как ни странно, некоторые лингвисты уже начали эту полезную для нас работу, соотнося звуки разных языков с определенными смыслами. Например, в различных неродственных языках большое количество слов, относящихся по своему значению к носу или ноздрям, имеют в своем составе назальные (носовые) звуки – /n/ или /ng/. Это не лишено смысла, поскольку нос участвует в произношении назальных звуков. Также многие слова из речи маленьких детей имеют билабиальные (губно-губные) звуки /p/ или /m/; возможно, это обусловлено тем, что контролировать моторику губ человек начинает раньше, чем осваивает движения языка. Слова разных языков, означающие «маленький, крошечный», нередко имеют в своем составе звук /i/, тогда как слова со значением «большой» часто включают в себя звуки /o/ или /a/ (стоит заметить, правда, что в английском языке все наоборот, сравните: *big* – «большой» и *small* – «маленький»). Слова такого типа есть в каждом языке, и они являются звукоподражательными, то есть звучащими так же, как предмет, который они обозначают²⁹. Примерами звукоподражательных слов в английском языке являются *crash* («грохот, треск»), *whine* («ныть, выть, скулить»), *boom* («гул, глухой шум»), *meow* («мяукать»).

Некоторые лингвисты прошлого полагали, хотя и без особых оснований, что происхождение языка может быть связано со звукоподражанием. Например, человек указывал на птицу и произносил звукоподражательное слово *twee* («свист»), а затем это слово уже могло использоваться для обозначения птицы. Со временем звуки изменялись, значение сдвигалось, и тот факт, что изначально слово возникло как звукоподражание, забылся. И мы теперь считаем, что сходство слова *twee* с птичьим свистом случайно. У данной теории один серьезный недостаток – отсутствие подтверждений того, что слово, которое является звукоподражательным в одном языке, будет звукоподражательным и в других. Например, в английском языке собачий лай передается как *арф-арф*, тогда как в испанском – как *гуау-гуау*. Мой любимый пример – обозначение крика петуха в итальянском языке: не *кокададльду*, как в английском, а *кокорико*³⁰. И все же современные лингвисты³¹ – правда, немногие – доказывают, что язык имеет звукоподражательную природу, но мы этого не осознаем, пока нам на это не укажут.

²⁹ Следует заметить, что в лингвистике принято разграничивать явления звукоподражания и звукоимитации. Звукоподражания – это слова, звуковой состав которых имитирует звучание тех предметов и явлений, которые эти слова обозначают (в русском языке таковы, например, слова *колокол*, *шорох*, *бубнить*, *булькать* и т. п.). В отличие от них слова, возникшие на основе звукоимитации, обозначают предметы и явления, которые реально не звучат; в фонетическом облике таких слов передается опосредованное впечатление от этих предметов и явлений. Приведенный автором пример о связи звуков /o/, /a/, /i/ с понятиями «большой» и «маленький» – это как раз пример действия принципа звукоимитации. – *Примеч. ред.*

³⁰ Все эти приведенные автором примеры разной передачи в разных языках собачьего лая и петушиного крика являются звукоподражаниями. – *Примеч. ред.*

³¹ Маргарет Магнус, «Магическое послание» (Margaret Magnus. *Magical Letter Page*). В Сети по адресу: <http://www.conknet.com/~mmagnus/>. У Маргарет Магнус действительно имеется словарный список всех символических значений для звуков английского языка, тогда как я этой проблемы коснулся здесь лишь слегка. Несмотря на название интернет-странички, Магнус не маг, насколько мне известно, и ее тексты относятся к лингвистике, хотя при этом и нетрадиционной. (Важно отметить, что лингвистика все еще является сравнительно молодой наукой и нередко выходит за рамки общепринятых постулатов, даже решая свои основные вопросы. Приверженность нетрадиционным научным взглядам не вредит карьере лингвиста так, как, скажем, карьера физика, – к счастью для меня.) – *Примеч. авт.*

Магия – это царство субъективности, а не объективности, поэтому аргументы лингвистов или нехватка этих аргументов не особенно нас заботят. С помощью методов магии мы можем не достигнуть объективной абсолютной истины относительно символической природы звуков речи, однако можем прийти к собственной, субъективной истине. Здесь, как и в большинстве магических предприятий, существует два пути раскрытия символического значения звуков речи. Первый – аналитический; он заключается в том, чтобы выявить особенности звуков и связать их с общими магическими моделями, а затем составить удобную таблицу соответствий. Другой способ интуитивный, и в его основе лежат наши представления об установлении таких связей. Я приведу примеры каждого из способов. Начну с аналитического, что потребует некоторого углубления в лингвистическую теорию.

В рамках фонетики – науки, изучающей звуки языка, – уже выделены признаки фонем (звуков как единиц языка), так что нам остается соотнести их с общими магическими моделями и выявить соответствия. Будет немного проще, если мы классифицируем звуки по трем параметрам. Первый – место образования звука (место, где воздушная струя встречается препятствие). В английском языке выделяется шесть мест образования звука: губы, альвеолы (хрящевой бугорок за верхними зубами), зубы, нёбо (верх ротовой полости), нёбная занавеска – велум (место, где твердое нёбо переходит в мягкое – вы его ощутите, если проведете языком назад вдоль нёба), голосовая щель (гортань). Соответственно, по месту образования звуки делятся следующим образом: *лабиальные*³² (губные), *альвеолярные*, *дентальные*³³ (зубные), *велярные* (нёбные) и *гортанные*. Второй параметр, который выделяют лингвисты, – способ, которым блокируется поток воздуха. Если воздушная струя блокируется полностью – это взрывные согласные звуки. Если расстояния между органами речи достаточно для того, чтобы проходил воздух, получаются *фрикативные* звуки (которые звучат смешно, будучи воплями, когда вы прищипываете себе палец). Если есть смычка, которая значительно препятствует прохождению воздушной струи, это *аппроксиманты*. Последний же параметр не является параметром по большому счету; его можно сравнить с выключателем: если голосовые связки вибрируют, когда вы произносите звук, он получается звонкий, если не вибрируют – глухой³⁴.

Стоит привести конкретные примеры, чтобы проиллюстрировать эти абстрактные термины. Звук /p/ – такой, как, например, в слове *pizza* («пицца») – является глухим билабиальным (то есть губно-губным) взрывным согласным: глухим, потому что голосовые связки не вибрируют; билабиальным, так как в его произношении участвуют обе губы; взрывным, так как при произношении звука вы на короткое время создаете полную преграду воздушной струе. Парный ему звук /b/ – например, в слове *brioche* («бриошь, булочка»), – является звонким билабиальным взрывным. Если вы положите руку на горло и прикоснетесь к кадыку, то почувствуете, как он вибрирует, когда вы произносите *buh-buh* («бух-бух»), и не вибрирует при произношении *puh-puh* («пух-пух»). В английском языке нет билабиального фрикативного звука, зато есть лабиодентальный (губно-зубной) фрикативный. Произнося звук /f/ – к примеру, в слове *fillet* («лента»), – вы произносите глухой лабиодентальный фрикативный звук, поскольку пропускаете свистящий поток воздуха между губой (отсюда компонент *лабио-*) и зубами (поэтому – *дентальный*), при этом голосовые связки не вибрируют. Если же они начнут вибрировать, звук /f/ сразу превратится в /v/ – такой, например, как в слове *veal* («телятина»).

³² От лат. *labium* – «губа». – Примеч. ред.

³³ От лат. *dens* – «зуб». – Примеч. ред.

³⁴ Это упрощенное объяснение. Данные параметры на самом деле сложнее, и их описание не так прозрачно, как это, которого, однако, для наших целей вполне достаточно. Если вы действительно заинтересовались тем, как произносятся звуки речи, я рекомендую вам книгу К. Карфорда «Практическое введение в фонетику» (Carford, J. C. *A Practical Introduction to Phonetics*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1998). Карфорд описывает, как произносится каждый из звуков в любом языке (включая щелчки, которые мы слышим по ТВ). (Выполнять упражнения, описанные в этой книге, очень весело, особенно в общественном месте.) – Примеч. авт.

Любой звук можно описать с помощью комбинации этих терминов. Фактически мы можем описать и звуки, которых нет в английском языке. Например, в нем отсутствует звонкий билабиальный фрикативный, но мы представим его себе, если произнесем /b/, а потом расслабим губы настолько, чтобы струя воздуха могла через них пройти. Но для нашей цели – выявления магического значения фонем английского языка – нам достаточно только этих терминов и еще нескольких вариантов. Ниже дан небольшой перечень звуков английского языка, примеры слов и описания с использованием несколько упрощенной мной терминологии.

Глухие	Звонкие	Место образования	Способ образования	Примеры
/p/	/b/	билабиальный (губно-губной)	взрывной	pepper, bean
/t/	/d/	альвеолярный	взрывной	tent, door
/k/	/g/	велярный (задненёбный)	взрывной	king, gift
/s/	/z/	альвеолярный	фрикативный	sauce, zoom
/f/	/v/	лабиодентальный (губно-зубной)	фрикативный	fairy, vat
/θ/	/ð/	интердентальный (межзубный)	фрикативный	thistle, that ¹
/w/		билабиальный (губно-губной)	аппроксимант	wizard
/y/		палатальный (нёбный)	аппроксимант	yahoo
/r/		палатальный (нёбный)	аппроксимант	roar ²
/l/		альвеолярный	аппроксимант	love
/h/		гортанный	фрикативный	hair ³
/ʃ/	/ʒ/	палатальный (нёбный)	фрикативный	shoe, pleasure
/n/		альвеолярный	назальный (носовой)	nose
/m/		билабиальный (губно-губной)	назальный (носовой)	mother
/ŋ/		велярный (задненёбный)	назальный (носовой)	thing

¹ Необычный и редкий звук. Он называется интердентальным (межзубным), потому что, произнося его, вы действительно протискиваете язык между зубов. – *Примеч. авт.*

² Еще один редкий звук. Этот нёбный аппроксимант описывается с помощью дополнительного термина – ретрофлексивный звук; он означает, что язык при произношении этого звука сгибается назад. – *Примеч. авт.*

³ Звук /h/ не имеет парного звонкого, поскольку он образуется в гортани, а гортань не может вибрировать и при этом сдерживать воздушный поток так, чтобы получался фрикативный звук. (Это объяснение упрощенное, однако достаточно корректное.) – *Примеч. авт.*

Стоит заметить, что эти звуки не всегда имеют четкие соответствия в системе письменности. Например, слово *cough* («кашель») произносится как /kawf/, хотя буквы f в его письменном облике нет. Нельзя упускать из виду и то, что эти звуки могут произноситься несколько по-разному из-за того, что люди говорят на разных диалектах и с разным произношением. Попросите кокни (уроженца лондонского Ист-Энда) произнести слово *bottle* («бутылка») – и вы услышите на месте /t/ гортанный взрывной звук. Также вы можете совсем не услышать звук /r/ в слове *car* («машина»), если попросите кого-нибудь из Бостона произнести это слово. И если вы сами из Бостона, то, возможно, вас удивит, откуда взялись все эти дополнительные /r/ в произносительном варианте слова *wash* («мыть») жителей Айовы.

С точки зрения магии, мы можем отождествить шесть мест, где образуются звуки речи, с планетами и природными элементами. Одной их схем, по которым это можно сделать, явля-

ется следующая: я связываю альвеолярные звуки /t/, /d/, /s/, /z/, /n/, /l/ с Меркурием, потому что язык при их произношении двигается плавно и быстро. С Венерой я соотношу губные /p/, /b/, /m/ и /w/, поскольку губы, как и голос, сексуальны (или, по крайней мере, чувствительны). Марс ассоциируется с зубными согласными, потому что зубы твердые и разрушительные, как Марс: /th/, /dh/, /f/ и /v/ (стоит отметить, что /f/ и /v/ при этом еще и губные, то есть связаны с Венерой; таким образом можно объяснить, почему английское слово, обозначающее и сексуальный акт, и сильное отвращение, начинается со звука /f/). На основе ассоциаций со вкусом и удовольствием я соотношу Юпитер с палатальными и велярными согласными – /y/, /k/ и /g/. Наконец, Сатурн я связываю с гортанью, поскольку она находится наиболее глубоко, является самой «секретной» частью глотки и единственным местом артикуляции, которое не видно через открытый рот. Таким образом, с Сатурном соотносится звук /h/ и гортанная смычка /ʔ/, которая появляется в английском языке только в словах, начинающихся с гласных, и никогда не отображается на письме³⁵. А какие же звуковые соответствия можно отметить в связи с Солнцем и Луной? Я уже упоминал, что некоторые звуки различаются по такому признаку, как наличие или отсутствие вибрации голосовых связок во время произношения, – соответственно, звук получается звонким или глухим. Звонкие звуки, поскольку они заключают в себе вибрации жизни, могут быть соотнесены с Солнцем, а глухие – с Луной.

Способы образования звуков, в соответствии с которыми проход для воздушной струи блокируется либо полностью, либо частично, могут быть соотнесены с природными элементами. Так, Земле соответствуют жесткие взрывные (/p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/), Огню – свистящие фрикативные (/f/, /v/, /s/, /z/, /h/), Воде – плавные аппроксиманты (/w/, /y/, /l/). Назальные (/m/, /n/, /N/) попадают в группу Воздуха. Таким образом, каждый звук имеет две связи – с планетой и элементом. Поскольку звуки могут быть звонкими и глухими, они также связаны с Солнцем или Луной соответственно.

Мне, конечно, не хотелось бы делать из этой системы подобие каббалы, но она может использоваться, например, в создании заклинаний или песнопений. Если вы хотите воззвать к Солнцу, смело включайте в речь много звонких звуков. А вызывая к Земле, вы должны наполнить заклинание взрывными звуками – такими как /b/ и /k/. Следуя этой системе при создании слов силы, вы можете получить и бессмысленные слова, которые тем не менее будут соответствовать планетам и элементам.

Стоит отметить, что до сего момента я оставлял без внимания гласные звуки. Отчасти проблема состоит в том, что в английском языке система гласных очень сложна, и лингвисты для ее описания используют совершенно разные системы терминов. Гласные описываются по таким параметрам, как подъем челюсти и положение языка – он может быть втянут в ротовую полость либо продвинут вперед. Поэтому говорят о передних гласных (когда язык сильно продвинут вперед) и задних гласных (язык сдвинут далеко назад). Выделяют еще высокие и низкие гласные, и этот признак зависит от того, поднята челюсть или опущена. В соответствии с причудливой терминологией высокие гласные также отличаются от низких более высокой частотой, поскольку размер резонаторной полости (то есть ротовой полости) при произнесении низких гласных больше, чем при произнесении высоких. (Что такое частота звука, легко понять, представив, что вы дуete в бутылку: чем больше в ней воды, тем выше звук, тогда как чем воды меньше, тем звук ниже. Такой же процесс происходит в ротовой полости – за тем лишь исключением, что язык, а не вода наполняет «бутылку» рта.) В английском языке одиннадцать или двенадцать гласных звуков – в зависимости от диалекта, и если вы не лингвист, понять описание того, как они произносятся, зачастую сложно. Практически любой человек

³⁵ Это утверждение справедливо для американского варианта английского языка и некоторых диалектов британского английского. В других диалектах гортанная смычка используется свободно – уроженцы лондонского Ист-Энда, например, часто используют этот звук на месте звука /t/ в середине слова. – *Примеч. авт.*

может выучить терминологию, касающуюся согласных, а также произнести согласный звук, следуя указаниям о положении языка. При этом запомнить гласные звуки и описывающие их термины способны в основном только лингвисты.

Чтобы упростить обсуждение этой проблемы, я скажу о пяти основных гласных звуках, которые выделяют лингвисты. Первые три – это /i/ (как в слове *bean* – «боб, фасоль»); /a/ (есть в слове *father* – «отец») и /u/ (произносится в слове *tuba* – «труба»). Если в языке только три гласных звука (как, например, в классическом арабском), вероятнее всего, это именно данные гласные. (Хотя, слыша арабскую речь, мы иногда можем воспринимать /i/ как /e/, а /u/ как /o/, однако исконный носитель языка считает эти звуки вариантами, а не особыми звуками.) Два других – это звук /e/, произносящийся как /ai/ (например, в слове *bait* – «приманка»), и звук /o/ (в слове *boat* – «лодка»)³⁶.

Нам следует понять, какую роль играют гласные в магии и в чем состоит экспериментальный метод получения магических знаний о них (этот метод намного лучше, чем аналитический, заключающийся в составлении таблицы соответствий). Наилучший способ это понять – произносить или петь гласные. Гласные, в отличие от согласных, могут быть пропеты. Начните с /a/ – как в слове *father*: а-а-а-а-а... Удерживайте удобный для вас тон. Тяните звук, пока в легких есть воздух, и не бойтесь надоесть соседям. Если вы хорошо расслабитесь, то почувствуете, как какая-то часть вашего тела начнет вибрировать; заметьте, какая именно, затем перейдите к звуку /i/ – как в слове *see* (англ. «видеть»): i-i-i-i-i...

Как вам кажется, где вибрирует /i/? По моим ощущениям, этот звук заставляет вибрировать кости и мышцы лица, тогда как /a/ ближе к солнечному сплетению. Весьма вероятно, вам покажется иначе, чем мне, для которого экспериментальный метод подобен награде; вы можете сделать другие открытия. Попробуйте как можно ниже прогрохотать звук /u/. Чтобы это получилось, носители британского английского могут представить находящийся после этого звука непронизносимый /t/, чтобы избавиться от привычного скольжения. Те, кто говорит на американском варианте английского языка, могут просто представить, что они произносят «Betty Воооо(р)» – «Бетти Бууууу(п)». Пусть ваши губы округлятся, будто для поцелуя; из-за этого округления губ при произношении /u/ и /o/ эти звуки называются «круглыми»³⁷ гласными. Где вибрирует /u/? По моим ощущениям, в тазовых костях, в мышцах за пупком, в нижней части позвоночника, а если я понижу тон, то смогу почувствовать этот звук в бедрах.

Полезно и приятно компоновать гласные, чувствуя, как они действуют вместе. Комбинация /iaʊ/ очень близка к гностическому имени Бога – IAO и захватывает нас, звуча в диапазоне от верхних частот до глубоких низов. Последовательность /ieaou/ тоже интересна, потому что при ее произнесении кажется, будто она спускается сверху вниз по телу³⁸. Попробуйте произнести другие сочетания. Попробуйте почувствовать, для чего можно использовать каждый звук. По моим ощущениям, /i/ агрессивный, /a/ творческий, /o/ защищающий, /u/ чувственный – по крайней мере, в определенные моменты.

Вы можете экспериментировать с другими гласными английского языка, перечисленными ниже с примерами слов, в которых они употребляются:

- /i/ – pit («яма»), bit («кусочек»);
- /e/ – pet («любимец»), bet («пари, спор»);
- /æ/ – pat («похлопывание, хлопок»), bat («летучая мышь»);

³⁶ Я снова упрощаю теорию для непрофессионалов. На самом деле в английском языке основные гласные практически никогда не звучат в своем «чистом» виде. Звук /o/ в слове *boat* скорее звучит как /ow/, а /u/ – как /yu/. Но касаться этих деталей совсем необязательно, если у вас не возникло желания более глубоко заняться лингвистикой. – Примеч. авт.

³⁷ В российской лингвистической традиции принят термин «огубленные» или «лабиализованные». – Примеч. ред.

³⁸ Этот эффект используется в гностическом ритуале Пентаграммы; ритуал создан Петером Кэрроллом и описан в «Книге Хаоса» (Carrol, Peter. *Liber Kaos*. York Beach, ME: Weiser, 1992). – Примеч. авт.

● /o/ – bought (форма глагола buy – «покупать»); так произносится в среднезападном диалекте английского языка; в других диалектах этот звук редуцируется в /a/;

● /u/ – put («класть»);

● /ə/ – sofa («диван») – звук на конце слова.

Все эти эксперименты показывают, что речь возможна благодаря струе воздуха, которая идет в центр нашего тела. Контролируя дыхание, встаньте или сядьте прямо. Почувствуйте, как диафрагма толкает воздух в легкие, который потом выходит со звуком. Ощутите, как звук заставляет вибрировать воздушную струю, распространяющуюся от нижней части тела к голове. Если согласные звуки тем или иным способом препятствуют воздушной струе, то гласные регулируют ее, создавая множество частот и тембров. Выполняя эту медитацию, вы можете размышлять над вопросами «Какого цвета этот звук?», «Какой планете (или планетам) он подобен?», «С каким элементом его можно соотнести?», «Каков он на вкус?», «Какой у него запах?».

Будет интересно в качестве эксперимента приобрести инструмент, который известен как еврейская арфа³⁹, и артикулировать гласные, играя на нем. Инструмент представляет собой металлическую рамку с язычком, который вибрирует, когда его дергают; при этом череп того, кто на нем играет, функционирует как резонатор. К этому инструменту часто относятся как к детской игрушке, подобной казу, однако он имеет длинную историю, связанную с магией. Сибирские шаманы до сих пор используют его в целительных ритуалах. Рамка подносится к зубам (но не вставляется между зубов), и язычок инструмента дергают с внешней стороны. Ротовая полость оттеняет обертоны в гудящем звуке инструмента: когда инструмент не прижат к зубам, он издает слабый дребезжащий звук на одной высоте; если же прижать рамку к зубам, играющий может выборочно подчеркивать определенные обертоны с помощью артикуляции. Один из способов такой игры – привести рот в положение, при котором произносится тот или иной гласный, но не произносить его. Так можно четко подчеркнуть частоту гласного. Показательно в данном случае было бы взять поэтический отрывок – например, из «Ворона» Эдгара По – и проартикулировать только гласные, дергая за струну варгана. Таким способом можно обнаружить мелодию, скрытую в частоте гласных многих стихов.

Цель моих рассуждений – навести вас на мысль о том, как использовать возможные значения звуков, не располагая точными объяснениями того, что они могут значить. В других языках, разумеется, другие системы звуков; при этом даже между языками с похожими фонетическими системами небольшие различия в этой сфере все же наблюдаются, и эта разница может обуславливать значительные эффекты психологического и магического характера. Вспомните, например, четкий по произношению зубной согласный в испанском языке: четкость – это результат продвижения языка на пару миллиметров вперед.

Если вы владеете еще каким-нибудь языком кроме английского или используете иврит либо подобный язык в магической практике, не исключено, что вам захочется поэкспериментировать со звуками этих языков. В иудейской каббале описаны медитативные практики, которые включают в себя перестановку букв и произнесение вслух получившихся сочетаний. Например, всем буквам одного класса подбирают пару среди букв другого класса. Если вам хочется попробовать это сделать, вы можете начать с так называемых материнских букв: это гортанная смычка, как в междометии *uh-oh*, (звук обозначается буквой Алеф), звук /sh/ (обозначается

³⁹ Другое название – варган; самозвучающий щипковый музыкальный инструмент в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней металлическим язычком; при игре прижимают к зубам. – *Примеч. ред.* Нет достоверных сведений о том, откуда произошло название «еврейская арфа» (*jew's harp*). Однако вряд ли его придумали расисты. Возможно, это искаженное французское слово, имеющее значение «играть». В английском языке это название меняется на вариант «сочная арфа» (*juice harp*), который не является, вероятно, исходным, хотя вызывает в памяти и описывает то, что происходит во время долгой игры. – *Примеч. авт.*

буквой Шин) и звук /m/ (обозначается буквой Мем). Интересным и поучительным способом их компоновки является медитация на гласные и эти три согласных звука, когда декламируется или произносится нараспев следующее:

'im 'ish mi' mish shi' shim
'em 'esh me' mesh she' shem
'am 'ash ma' mash sha' sham
'om 'osh mo' mosh sho' shom
'um 'ush mu' mush shu' shum.

Очевидно, что методы, подобные этому, действенны лишь в том случае, если менять местами относительно небольшое число букв. Однако это хороший способ понять отношения между звуками. Например, можно поменять местами взрывные /p/, /t/ и /k/ в сочетаниях с гласными /i/ (есть в слове *see* – «видеть»), /a/ (как в слове *father* – «отец») и /u/ (*boot* – «ботинок»). Постарайтесь добиться того, чтобы лучше понять магическую силу этих созвучий:

pit pik tip tik kip kit pat pak
tap tak kaip kat pit
pik tip tik kip kit.

Если вы занимаетесь самоанализом, пребывая в спокойном, расслабленном состоянии, то, меняя местами звуки, можете уловить намек на их предназначение: образ, цвет, эмоция. Например, когда я декламирую «*ri re ro ra ri*», у меня возникает ощущение, будто я парю в воздухе над бездной на огромной высоте. В памяти всплывает слово *пропасть*. Исходя из такой своей реакции, я могу заключить, что для меня звук /p/ символизирует опасный крутой обрыв. Очень важно, чтобы такие эксперименты проводились в спокойной, расслабляющей обстановке. Простое чтение не приведет к исчерпывающему пониманию поэзии звука – конечно, если вы не читаете ради эксперимента, чтобы выявить возможности чтения в данном ракурсе.

Изложенных в этой главе сведений достаточно для того, чтобы вы начали сами исследовать и анализировать звуки и выявили несколько звуков, использование которых приносило бы вам пользу в вашей Великой Работе. Важно помнить, что звук – это средство языка и, следовательно, средство выражения мыслей; при этом звук – физическое явление, и серьезная опора на физический мир необходима для понимания роли языка в магии. В то же время язык не относится исключительно к материальной сфере. Язык соединяет материальное с нематериальным. С одной стороны, язык – это знаки на глине, бумаге или дереве; кроме того, мы можем слышать, как кто-либо сотрясает воздух посредством своего голосового аппарата, и сказать: «Это язык». Однако, с другой стороны, бесшумная мысль, которая проносится у нас в голове, не вызывая движения ни одной части тела, – это тоже язык. Он также являет себя в словах силы, которые мы создаем из наполненных смыслом звуков, хотя эти слова не имеют значения ни в одном языке. Такого рода слова извлекают абстрактную идею из нашего сознания и превращают ее в конкретную вибрацию воздуха в материальном мире; эту вибрацию улавливают уши, и она переводится в идеальный мир сознания. Возможно, это тот самый язык, который имел в виду в «Изумрудной скрижали» Гермес, когда говорил: «Я поднимаюсь с твоей земли на твоё небо, и снова спускаюсь на землю, и получаю твою силу вещей высших и низших»⁴⁰.

1 Здесь и далее в скобках приведен перевод английских слов. – *Примеч. ред.*

2 Гэльский язык – язык шотландских кельтов. – *Примеч. ред.*

⁴⁰ «Изумрудная скрижаль» Гермеса переведена Исааком Ньютоном. См. архив священных текстов в Интернете: <http://www.sacred-texts.com/alc/emerald.html>. – *Примеч. авт.*

3 По договоренности лингвисты используют косые скобки, например /kot/, для обозначения звуков и фигурные, например <soat>, при орфографическом написании. – *Примеч. авт.*

4 Стоит уточнить, что проникновению пищи в дыхательные пути препятствуют в первую очередь не голосовые связки, о которых здесь пишет автор, а надгортанник – он прикрывает вход в гортань при глотании. – *Примеч. ред.*

5 Barry, Kieren. *The Greek Qabalah: Alphabetic Mysticism and Numerology in the Ancient World*. York Beach, ME: Samuel Weiser, 1999, 38.

6 Если вы произнесете это слово медленно или особенно четко, то первый гласный будет звучать скорее как /i:/, чем как /ə/. Этим можно объяснить отсутствие в английском языке буквы для шва. Шва – результат тенденции безударных гласных сдвигаться по месту произношения к центру ротовой полости и терять свои артикуляционные признаки. Исходный гласный звук часто скрывается за шва и проявляет свои настоящие признаки, оказавшись под ударением (так, например, в ударной и безударной позициях может быть артикль *the*). – *Примеч. авт.*

7 Впрочем, некоторые языки к этому весьма близки – например, корейский, итальянский, язык индейцев чероки и некоторые другие. – *Примеч. авт.*

8 День начала операции по-английски *D-Day*. – *Примеч. пер.*

9 Crowley, Aleister. *Magick Without Tears*. Scottsdale, AZ: New Falcon, 1991, 408, 411.

1 °Следует заметить, что в лингвистике принято разграничивать явления звукоподражания и звукоимитизма. Звукоподражания – это слова, звуковой состав которых имитирует звучание тех предметов и явлений, которые эти слова обозначают (в русском языке таковы, например, слова *колокол*, *шорох*, *бубнить*, *булькать* и т. п.). В отличие от них слова, возникшие на основе звукоимитизма, обозначают предметы и явления, которые реально не звучат; в фонетическом облике таких слов передается опосредованное впечатление от этих предметов и явлений. Приведенный автором пример о связи звуков /o/, /a/, /i/ с понятиями «большой» и «маленький» – это как раз пример действия принципа звукоимитизма. – *Примеч. ред.*

11 Все эти приведенные автором примеры разной передачи в разных языках собачьего лая и петушиного крика являются звукоподражаниями. – *Примеч. ред.*

12 Маргарет Магнус, «Магическое послание» (Margaret Magnus. *Magical Letter Page*). В Сети по адресу: <http://www.conknet.com/~mmagnus/>. У Маргарет Магнус действительно имеется словарный список всех символических значений для звуков английского языка, тогда как я этой проблемы коснулся здесь лишь слегка. Несмотря на название интернет-странички, Магнус не маг, насколько мне известно, и ее тексты относятся к лингвистике, хотя при этом и нетрадиционной. (Важно отметить, что лингвистика все еще является сравнительно молодой наукой и нередко выходит за рамки общепринятых постулатов, даже решая свои основные вопросы. Приверженность нетрадиционным научным взглядам не вредит карьере лингвиста так, как, скажем, карьере физика, – к счастью для меня.) – *Примеч. авт.*

13 От лат. *labium* – «губа». – *Примеч. ред.*

14 От лат. *dens* – «зуб». – *Примеч. ред.*

15 Это упрощенное объяснение. Данные параметры на самом деле сложнее, и их описание не так прозрачно, как это, которого, однако, для наших целей вполне достаточно. Если вы действительно заинтересовались тем, как произносятся звуки речи, я рекомендую вам книгу К. Карфорда «Практическое введение в фонетику» (Carford, J. C. *A Practical Introduction to Phonetics*. Oxford, UK: Claredon Press, 1998). Карфорд описывает, как произносится каждый из звуков в любом языке (включая щелчки, которые мы слышим по ТВ). (Выполнять упражнения, описанные в этой книге, очень весело, особенно в общественном месте.) – *Примеч. авт.*

16 Это утверждение справедливо для американского варианта английского языка и некоторых диалектов британского английского. В других диалектах гортанная смычка используется свободно – уроженцы лондонского Ист-Энда, например, часто используют этот звук на месте звука /t/ в середине слова. – *Примеч. авт.*

17 Я снова упрощаю теорию для непрофессионалов. На самом деле в английском языке основные гласные практически никогда не звучат в своем «чистом» виде. Звук /o/ в слове *boat* скорее звучит как /ow/, а /u/ – как /yu/. Но касаться этих деталей совсем необязательно, если у вас не возникло желания более глубоко заняться лингвистикой. – *Примеч. авт.*

18 В российской лингвистической традиции принят термин «огубленные» или «лабиализованные». – *Примеч. ред.*

19 Этот эффект используется в гностическом ритуале Пентаграммы; ритуал создан Петером Кэрроллом и описан в «Книге Хаоса» (Carrol, Peter. *Liber Kaos*. York Beach, ME: Weiser, 1992). – *Примеч. авт.*

20 Другое название – варган; самозвучающий щипковый музыкальный инструмент в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней металлическим язычком; при игре прижимают к зубам. – *Примеч. ред.* Нет достоверных сведений о том, откуда произошло название «еврейская арфа» (*jew's harp*). Однако вряд ли его придумали расисты. Возможно, это искаженное французское слово, имеющее значение «играть». В английском языке это название меняется на вариант «сочная арфа» (*juice harp*), который не является, вероятно, исходным, хотя вызывает в памяти и описывает то, что происходит во время долгой игры. – *Примеч. авт.*

Глава 3

Заклинание: поэзия силы

Каждая культура мира, от малочисленных племен амазонских индейцев до огромных империй, имеет свою поэзию. Это касается даже тех культур, у которых нет письменности. Поэтические произведения, призванные создавать магический эффект, называют заклинаниями⁴¹. Люди часто используют заклинания в утилитарных целях – например, для удаления ресницы из глаза⁴². Даже в нашей культуре мы используем некоторые магические заклинания, причем не всегда осознавая это и относясь к ним не слишком серьезно. Например:

Star light, star bright:
First star I see tonight.
Wish I may, wish I might
Have this wish I wish tonight⁴³.

Лишь немногие дети бывают убеждены, что загаданные желания сбудутся (хотя я всегда в это верил, и многое из того, что казалось невозможным, действительно сбылось), но люди все равно продолжают произносить заклинания. Заклинания настолько распространены в различных культурах, что порой сложно сказать, где заканчивается заклинание и начинается поэзия. В этой главе я буду подробно рассматривать различные традиции заклинаний, анализируя их структуры и формы, а также то, как можно использовать эти структуры и формы для создания собственных заклинаний.

Наша жизнь полна заклинаний и чар. Я помню, как шествовал в церемониальной мантии под звуки волюнок в большой зал, где самый что ни на есть христианский президент самого что ни на есть христианского университета осуществлял магический акт, произнося заклинание. Магия была очень мощная: она дала мне возможность ставить после своего имени буквы ВА⁴⁴, а также поступить в аспирантуру, получить определенную работу и достичь определенного уровня социальной ответственности. Однажды я видел, как чары наводил судья, произнося заклинание и производя ритуальные действия. Он сказал: «Ввиду недостаточных доказательств того факта, что снижение скорости могло бы предотвратить данный инцидент, я объявляю подсудимого невиновным», – и ударил своим ритуальным молотком. Тем самым он не только позволил мне не платить внушительный штраф, но также решил проблемы страховой компании и предотвратил еще множество трудностей, которые могли возникнуть у совершенно незнакомых ему людей. Некоторые люди производят магические действия, связывая их с другими людьми. В нашей стране мы уполномочили выполнять их священников и судей, и результаты этих действий для нас священны. В наше время мы очень часто сталкиваемся с магией, однако большинство людей этого не осознают или не умеют определять, какие именно действия являются магическими чарами.

⁴¹ В английском – *incantations*, от латинского *in-* («внутри») и *-cant-* («петь»). – Примеч. пер.

⁴² Carmichael, Alexander. *Carmina Gaelica: Hymns and Incantations Collected in the Highlands and Islands of Scotland in the Last Century*, Edinburgh, UK: Floris, 1992.

⁴³ Светлая звезда, яркая звезда, Первая звезда, которую я увидел сегодня вечером. Пусть желание, которое есть у меня, Исполнится этой ночью. Это известный стишок-колыбельная английских поэтов начала XIX века, сестер Энн и Джейн Тейлор. – Примеч. пер.

⁴⁴ Обозначение степени бакалавра. – Примеч. пер.

Перформативы

Лингвистика классифицирует вербальные акты, о которых речь шла выше, как *перформативные высказывания*⁴⁵. Перформативное высказывание – это фраза, которая производит какое-то изменение в мире в момент произнесения. Фраза «Откройте окно» производит изменение, но только в том случае, если я встаю и открываю окно. Фраза «Я объявляю вас мужем и женой» меняет мир в тот момент, когда эти слова слетают с уст официального лица. Поэтому говорят, что перформативные высказывания наделены *иллокутивной*⁴⁶ силой, имея в виду, что сила слов – не в их интерпретации или в выполнении указаний другим человеком, но в самих словах. Все прочие высказывания – такие как «Закройте окно, пожалуйста» или «Хороший денек, не так ли?» – могут обладать перлокутивным⁴⁷ эффектом. Заклинания иллокутивны и перлокутивны: произнося слова заклинания, мы творим его. Его эффект – результат сказанного, но заклинание завершено в тот момент, когда человек заканчивает высказывание.

Лингвисты в своих исследованиях перформативных высказываний говорят кое-что о том, каким образом вообще работают заклинания. Перформативное высказывание не может быть оценено как правдивое или лживое. Оно либо реализуется, либо нет. Это не отчет о событии – это само событие. Так, если я говорю: «Я объявляю вас мужем и женой», – нет смысла спрашивать меня: «Это правда, что вы объявили их мужем и женой?» Есть более важный вопрос: «Вы действительно поженили их?» Если я сделал это, значит, перформативное высказывание «произошло», было «удавшимся». Неудавшийся перформатив, тот, что не работает, становится таковым, поскольку не соответствует одному или нескольким «условиям успеха». Так, в случае с браком это могут быть следующие условия:

- люди должны иметь право на вступление в брак (быть взрослыми, не состоять в браке и, в большинстве штатов нашей страны, быть разных полов);
- человек, произносящий перформатив, должен быть уполномочен делать это (например, быть, судьей или священником);
- люди должны хотеть пожениться;
- должны быть соблюдены другие нормы ритуала (в частности, присутствие свидетелей, подписание документов и т. д.).

Условия успеха не являются постоянными или едиными для всех. Например, в Калифорнии бракосочетание не требует присутствия руководителя церемонии. В этом случае подписание брачного контракта в присутствии свидетелей заменяет слова официального лица.

Бракосочетание – интересный ритуал с точки зрения перформативов по нескольким причинам. Во-первых, он показывает, насколько серьезно люди воспринимают перформативные ритуалы. В Соединенных Штатах попытка изменить одно из условий и разрешить вступать в брак однополым людям вызвала немалое сопротивление. И хотя конгресс США решил не

⁴⁵ В теории речевых актов перформативным называется высказывание, которое одновременно и обозначает действие, и само является действием, влекущим за собой определенные изменения жизненной ситуации. К перформативным высказываниям относятся, например, клятва, присяга, обещание, извинение, завещание, объявление войны и др. Перформативное высказывание обычно имеет в своем составе глагол в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога; этот глагол не только обозначает действие, но и указывает на его исполнение говорящим («Я клянусь», «Я обещаю», «Я прошу прощения»). – *Примеч. ред.*

⁴⁶ От лат. *in + locutio* («в + речь»), то есть «в процессе говорения». – *Примеч. авт.* В соответствии с теорией речевых актов, высказывания, в том числе перформативные, являются иллокутивными актами, то есть реализуют коммуникативную цель говорящего (требование, побуждение, совет, просьбу и т. д.). – *Примеч. ред.*

⁴⁷ Перлокутивный эффект высказывания – результат, последствия, которые говорящий ожидал от своего высказывания; этот эффект заключается в определенном воздействии высказывания на сознание, поведение адресата речи, в изменении жизненной ситуации. – *Примеч. ред.*

вносить в конституцию поправки, запрещающие однополые браки, скорее всего, в дальнейшем подобные попытки еще будут предприниматься. Дебаты часто ведутся в выражениях типа «защитить брак», словно разнородность брачующихся – это единственное условие успеха, воплощающее в себе весь этот социальный институт. Бракосочетание весьма интересно как ритуал и с языческой точки зрения, поскольку многие язычники женятся, не соблюдая традиционных условий, проводя свои собственные религиозные церемонии и создавая законные союзы при помощи мирового судьи. Судья все-таки необходим, поскольку сила перформативного акта столь велика, что сама по себе церемония, хоть и имеет духовный эффект, не имеет эффекта юридического.

Чары и заклинания – особый вид перформативов, и, как и другие перформативы, они обладают собственными условиями успеха. В кратком перечислении они выглядят так:

- человек, выполняющий заклинание, должен обладать необходимой подготовкой;
- заклинание должно быть составлено правильно, из надлежащих слов, подкрепленных надлежащими материалами;
- вербальная часть заклинания должна быть произнесена в соответствующей манере.

Давайте посмотрим на каждое из этих условий успеха с другой стороны и попробуем разобраться, что они говорят о действии магии.

Человек, выполняющий заклинание, должен обладать необходимой подготовкой. В разных культурах это условие означает разные вещи. Очень редко человек может просто произнести заклинание и добиться результата (хотя иногда о подобных случаях рассказывается в сказках и легендах). Обычно тот, кто выполняет заклинание, должен обладать определенной силой. В африканской культуре сонгаи человек учится петь молитвенные песни, обращенные к силе божеств, но, если он не прошел инициацию с поеданием *кусу*, пищи богов, его песни остаются пустыми словами⁴⁸. Точно так же ритуальные заклинания в индуизме должны исполняться жрецом, человеком, уполномоченным это делать. В каббале есть легенда о Баал Шем Тове, Хозяине Доброго Имени, который произнесением имени Бога мог творить чудеса. Но он обрел такую силу не просто за счет произнесения имени⁴⁹, а благодаря посвящению в каббалу и праведной жизни. Магическое заклинание не работает в мире причин и следствий, в мире научной логики, где один и тот же эксперимент, выполняемый разными людьми, должен давать одинаковые результаты.

Две вещи связывают все эти культурные идеи, касающиеся силы: понятие инициации и то, что можно назвать ритуальной чистотой. Колдун сонгаи ест инициационную еду и поглощает свою инициацию как пищу. Соответственно, колдуну необходимо регулярно выполнять определенные ритуальные действия, чтобы поддерживать дарованную ему силу. Похожим образом Баал Шем Тов, по крайней мере в традиционной еврейской каббале, должен соблюдать еврейские законы ритуальной чистоты, включая употребление кошерной пищи и т. п. А индуистский мастер ведических гимнов должен не только быть посвященным жрецом, но и, что более важно, поддерживать ритуальную чистоту (перед церемонией производится особое омовение и т. п.).

Путь, которым маг (колдун, шаман или жрец) приходит к инициации, может быть разным в разных культурах. В культуре сонгаи *сорко*, колдун, использующий заклинания, узнает их от колдуна-учителя, который также кормит его кусу во время ритуальной трапезы. Сорко-ученик сидит у ног своего учителя и запоминает песни, а также способы ритуального использова-

⁴⁸ Paul Stroller and Cheryl Olkes, *In Sorcery's Shadow: A Memoir of Apprenticeship among the Songhay of Niger*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

⁴⁹ В иврите имя Бога передается как (יהוה) или, в английской версии, IHVH. Гласные неизвестны, и в данном случае возникает путаница, потому что буквы Йод, Хе и Вав, образующие имя, в определенных ситуациях могут обозначать гласные. – *Примеч. авт.*

ния порошков и подготовительные процедуры. Во многих культурах шаманы получают песни силы и заклинания от духов. Духи приходят только после инициации, нередко сопровождающейся долгой и загадочной болезнью, от которой шаманы исцеляются, принимая свою новую роль. Инициации в магических системах, во многом построенных на заклинаниях, предполагают овладение заклинаниями, повторное их обретение, запоминание или создание. Кельтские барды должны были запомнить невероятное количество стихов, чтобы их инициация могла считаться завершенной. Греческому магу-гностику необходимо было искать секретные «имена Бога», чтобы использовать их в своих заклинаниях.

Думать, что мы не способны заниматься магией, поскольку не принадлежим ни к одной из данных культур и не имеем доступа к их инициационным традициям, было бы ошибкой, ввергающей в уныние. На самом деле у нас, в Америке XXI века, есть свои магические традиции, и было бы неплохо осознать и использовать этот факт. Инициация в большинстве наших магических систем хотя зачастую и отмечена ритуалами (такими как викканская церемония, включающая в себя ритуальный обман и связывание, или инициация в церемониальную ложу с ответами на вопросы, заучиванием ритуальных текстов и клятвами), но, как правило, представляет собой в большей степени внутренний, нежели внешний процесс. В западных магических традициях мы не поглощаем знание, как сонгаи, но представляем себе, что оно растет внутри нас, как растение. По этой причине вновь посвященных в церемониальную магию называют неопитами, что в переводе с греческого и означает «новое растение». Подумайте о том, насколько вы выросли с тех пор, как начали практиковать магию, и выразите этот рост словами: возможно, вы обнаружите, что создали собственную песню силы.

Второе условие успеха в магии заключается в следующем: *заклинание должно быть составлено правильно, из надлежащих слов, подкрепленных надлежащими материалами*. Гибкость этого условия делает его довольно необычным. Его смысл меняется от культуры к культуре, от заклинания к заклинанию. Некоторые заклинания требуют использования особых и труднодоступных материалов, тогда как для других достаточно самых обычных предметов или не нужно вообще ничего. Но, независимо от того, какие атрибуты привлекаются, слова заклинания должны быть совместимы с используемыми материалами. Например, староанглийские метрические заговоры (ряд заклинаний, записанных в XVIII веке) содержат инструкции по решению определенных магических задач, и многие из них требуют ритуальных действий. Часто эти ритуальные действия описываются в самом заклинании с использованием того же размера. Например:

I circle myself with this stick – And take a succor in God's fealty
Against the sore stitch – And the sore blow
Against ferocious fear
Against mighty misfortune – Which is hateful to everyone.

Я обвожу себя этой палочкой – И черпаю поддержку в верности Богу
Против мучительной боли – И болезненных ударов
Против жестокого страха
Против всесильной неудачи – Ненавистной каждому⁵⁰

В некоторых ритуалах, описание которых можно найти в Греческих магических папирусах, есть формулы, где прямо называются используемые материальные предметы. Например: «Вино, ты вино. Вино, ты не вино. Ты глава Афин»⁵¹. Ясно, что такое заклинание может быть

⁵⁰ Это мой перевод первой части стихотворного заговора для путешественников, взятого из книги Джорджа Краппа и Эллиота Добби (Krapp, George and Dobbie, Elliot V.K. *The Exeter Book*. New York: Columbia University Press, 1936). – Примеч. авт.

⁵¹ Betz, Hans Dieter. *The Greek Magical Papyri in Translation*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. – Примеч. авт.

действенным только тогда, когда человек произносит его над кувшином или другим сосудом с вином. В американской народной традиции худу человек может произносить короткий стих, собирая мешочек моджо⁵², однако в этом случае сами предметы обладают силой и заклинание необязательно. Легко представить, что слова соединяются с объектами каким-то жестким образом, хотя, с точки зрения лингвистов и постмодернистов, это не так. Слова условны: это просто цепочки звуков, которыми мы договорились указывать на тот или иной объект или идею, хотя они сами не являются этим объектом или идеей. Но в магии все иначе: она устанавливает связь между словом и идеей.

Некоторые люди считают, что этот основополагающий принцип магического мышления иррационален по своей сути⁵³. Они говорят, что идентифицировать слово с вещью, которую оно называет, – значит исказить карту территории, и в этом я с ними согласен. Однако в магии мы выходим за пределы обычного применения слов, которое лингвисты называют пропозициональным, и переходим к перформативному использованию языка. В перформативном употреблении *слова*, которые обозначают определенные вещи, *и есть эти самые вещи*. Как говорит Дж. Л. Остин, «когда я говорю „согласен“, я не сообщаю о браке. Я вступаю в него»⁵⁴. Фраза «Я приговариваю вас к жизни» – это и *есть* официально оглашенный приговор. Эти слова не указывают ни на что, что не является ими, поскольку они представляют собой нечто вроде магического акта, в котором высказывание становится фактом действительности, будучи просто произнесенным. Следовательно, если магическое мышление, привязывающее слова к обозначаемым ими объектам, считать источником суеверий и иррациональности, то большинство наших ритуальных институтов – включая брак, суды и деловые контракты – следует признать суеверными и иррациональными.

Один из способов привыкнуть к магическому использованию языка – упражнение-разговор с неодушевленными предметами. Я иногда говорю с деревьями и скалами, и если не нахожусь там, где может пострадать моя репутация или карьера (скажем, в кампусе), то могу делать это и на людях. Допускаю, что это достаточно сложно – преодолеть чувство неловкости и социальное давление, особенно поначалу, – но именно эти ограничения помогают преодолеть данное упражнение. Оно также привязывает наши слова к миру таким способом, какой мы редко используем в других обстоятельствах. Мы начинаем воспринимать предметы из мира природы или мира нашей повседневной жизни не как «что-то», а как «кого-то». Относиться к миру как к «кому-то», а не как к «чему-то» – значит воспринимать его не как объект речи, от которого мы отдалены, а как субъект речи и ее объект одновременно. Мы можем разговаривать с объектом об этом объекте так же, как можем обсуждать наши истинные чувства с другом. Как ни странно, открываясь деревьям и камням, мы учимся воспринимать своих друзей, семью и даже незнакомых людей как «кого-то», а не как «что-то»⁵⁵. А может быть, это не так уж и странно: что, кроме второстепенных признаков, отличает дух камня от духа дерева, а этих духов – от духа вашего друга? Может, что-то и отличает: каждый из них способен научить нас чему-то своему, одни духи живут быстрее и переживают больше за более короткое время. Но было бы глупо игнорировать одного духа и при этом надеяться быть открытым для другого.

Последнее условие успеха для магического заклинания таково: *вербальная часть заклинания должна быть произнесена в соответствующей манере*. Смысл этого тезиса зависит от контекста. Магическая книга «Гоетия» получила свое название от греческого слова, означаю-

⁵² Моджо – травяной сбор, наделенный магическими свойствами. – *Примеч. ред.*

⁵³ Например, можно назвать С. И. Хаякаву, чья книга «Язык в мысли и действии» (Hayakawa, S. I. *Language in Thought and Action*. New York: Harcourt Brace, 1990 [1939]) является превосходным и увлекательным чтением для мага, интересующегося, каким образом слова придают форму его миру. – *Примеч. авт.*

⁵⁴ Austin, J. L. *How to Do Things with Words: Second Edition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

⁵⁵ Buber, Martin. *I and Thou*. (Walter Kaufmann, trans.). New York: Simon & Schuster, 1970. Бубер исследует эту идею более глубоко. – *Примеч. авт.*

щего «вой, крик»; возможно, здесь имелся в виду вид заклинания, которое выкрикивалось или протяжно пелось (хотя название также могло означать, что кричат и воют демоны, перечисленные в заклинании). В Греческих магических папирусах часто даются указания относительно того, как следует произносить заклинания, причем предлагается сопровождать их «хлопающими звуками» или свистом. Классические римские и греческие заклинания было принято невнятно бормотать или шептать, что, с одной стороны, защищало священные слова от ушей профанов, а с другой – создавало ощущение общности между магом и силами, к которым он обращался. Существует лингвистическое доказательство того факта, что магические заклинания порой пелись: я уже упоминал о том, что слово *incantation* («заклинание») происходит от латинского глагола *cantare* – «петь». В Ордене Золотой Зари поощряется так называемое вибрирование слов силы, то есть нечто вроде звучного кантус плянуса⁵⁶. С точки зрения современной магической практики работы это означает, что мы не должны изнурять себя монотонными, тупыми повторениями магических заклинаний, если хотим, чтобы они произвели нужный эффект. И мы не должны автоматически перенимать претенциозный общепринятый «ритуальный голос», который нам так часто приходится слышать (а некоторые из нас даже мучают им, к примеру, ни в чем не повинных участников ритуалов Самейна). Вместо этого мы должны делать свой выбор осознанно и внимательно.

Лингвисты, описывая способы использования человеком голоса, выделяют такие его варианты его звучания, как шепот, «скрипучий голос», смех и т. п. Такие свойства голоса несут информацию о нашем настроении или намерении, но не о прямом значении высказывания или его пропозициональном содержании⁵⁷. Так, если я что-то шепчу, вы можете предположить, что я стараюсь сохранить сказанное в секрете, а если пронзительно кричу – подумать, что я говорю с человеком, находящимся от меня на большом расстоянии, или хочу, чтобы вы отнеслись к данной информации как к срочной и очень важной. Возьмем, к примеру, высказывание «будьте осторожны». Если я шепчу: «Будьте осторожны», – то, вероятно, деликатным образом предостерегаю вас от чего-то, что вы собираетесь сделать или сказать. Возможно, речь идет о какой-либо особой ситуации. Например, вы хотите затронуть некую щекотливую тему в обществе, где это будет неуместно. Если же я кричу: «Будьте осторожны», – то предостерегаю вас от прямой, может быть физической, опасности. Пропозициональное содержание моих высказываний одинаково, однако отношение этого содержания к реальной ситуации в каждом из случаев – то есть их прагматическое значение⁵⁸ – разное.

А теперь вернемся к произнесению заклинаний. Если мы шепчем заклинание, то подразумеваем, что его адресат находится близко, если кричим – стало быть, он на расстоянии или сообщение должно быть передано безотлагательно. Прерывающийся голос передает сильные эмоциональные переживания. В церемониальной магии, особенно если в ней делается акцент на традициях и ритуалах, часто используется зычный, внушительный распевный голос. Ян Фрайз утверждает, что «инвокация, даже правильная по смыслу, не даст нужного результата, если она произносится с унылой или обыденной интонацией»⁵⁹. Во многих случаях то, как мы говорим, значит больше, чем то, что мы говорим. Для примера представьте себе один из разговоров о случайных встречах: «Ой, ну, он такой, ну, ты знаешь... Как там его зовут... Ну, ты знаешь, *тот* парень!» И вдруг гримаса, которую вы скорчили, и интонация, с которой сказали «тот», позволяют собеседнику понять, о ком идет речь, и необходимость в дальнейших

⁵⁶ Кантус плянус (лат. *cantus planus*, фр. *plain-chant*) буквально – «простая песнь». Вид пения, характеризующийся исполнением в унисон с акцентированием и растягиванием гласных. – *Примеч. пер.*

⁵⁷ Пропозициональное содержание – присутствующая в высказывании константная объективная информация о действительности, о положении дел. – *Примеч. ред.*

⁵⁸ Прагматическое содержание – часть содержания высказывания, обусловленная целью, намерениями говорящего, конкретной ситуацией общения, отношением говорящего к ситуации и пр. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ Fries, Jan. *Visual Magic: A Manual of Freestyle Shamanism*. Oxford, UK: Mandrake, 1992, 92.

разъяснениях отпадает. Я знаю, что для меня одной из самых эффективных молитв, которые я когда-либо произносил, стал бессловесный рык, полный разочарования и неудовлетворенности, почти или даже вовсе лишенный семантического содержания.

Маги, ищущие первоязык ангелов, не учитывают, что на первоязыке мы говорим каждый день. У людей есть продуктивный язык с синтаксисом, тогда как остальные приматы располагают только унаследованной, врожденной системой звуков, инстинктивных по своей природе. Многие люди не понимают, что мы, будучи приматами, тоже рождаемся с генетически заложенной в нас системой звуков. Вот почему человек из Китая, человек из Африки, человек с Аляски и человек из Англии, в сущности, одинаково смеются, одинаково плачут, одинаково вздыхают и воспроизводят один и то же интонационный рисунок (хмыкают или произносят «ах» или «ох»), выражая удивление и любопытство. Мы обычно можем понять, доволен иностранец или сердит по определенным интонациям в его речи⁶⁰.

Включение в магические заклинания рычания, шипения, стонов и визга наших предков-приматов в церемониальном отношении может кому-то показаться недостойным и даже глупым, но даже в западной мистериальной традиции имитация звуков животных имеет длительную историю. В понимании каббалистов, язык приматов – это язык нашей *нефеш*, животной души, а значит, о нем стоит узнать, поскольку эта душа дает нам немало силы. С шаманской точки зрения, использование звуков животных идентифицирует нас с животным миром, из которого мы черпаем силу. Я подозреваю, что величественные звуки многих церемониальных магических заклинаний имеют в своей основе представления о правильности и величественности, бытовавшие в Британии в XIX веке. Мы должны спросить себя: готовы ли мы отвергнуть правильность и величественность и выбрать непредсказуемость экстаза, готовы ли положить свою застенчивость и сомнение на алтарь храма? Если да, то мы, вероятно, сможем вернуться к магии наших древних воющих и ревущих предков.

⁶⁰ За некоторыми исключениями, конечно. Иногда людям кажется, что речь китайцев звучит сердито, поскольку они говорят громче и быстрее, чем англоговорящие американцы, а также потому, что их речь имеет более резкие интонационные колебания. Эти речевые особенности ассоциируются у американцев с сильными эмоциями. – *Примеч. авт.*

Характерные особенности заклипания

Серьезная литературоведческая работа, посвященная общим характеристикам заклипаний, до сих пор не проводилась. Между тем можно утверждать, что заклипания разных культур обладают рядом сходных черт. Это объясняется либо древностью данной литературной формы, либо идущей по пути конвергенции⁶¹ эволюцией в тех культурах, где заклипания появлялись, либо тем фактом, что они составляются, используются и передаются исходя из утилитарных соображений. Другими словами, заклипания работают и, поскольку это так, передаются из поколения в поколение в относительно неизменной форме, причем даже в культурах, не имеющих письменности. Более того, поскольку заклипания работают в соответствии с реальными принципами, между ними существуют фундаментальные литературные сходства. Это касается даже очень отличающихся друг от друга культур – например, индийских индуистов, англосаксов VIII века и шотландских кельтов. Индуистская Атхарваведа, англосаксонские метрические заклипания и шотландская *Carmina Gadelica* («Гэльские песни») – все это собрания заклипаний и заговоров. Некоторые из них, в частности Атхарваведа, возможно, восходят к индоевропейской культуре, существовавшей десять тысяч лет назад. Несмотря на временные и культурные различия, эти заклипания обладают общими структурными особенностями, в числе которых – инвокация внешних сил, использование сложного языка метафор, повторения и ритма.

⁶¹ Конвергенция – путь развития культур (и языков) по принципу схождения, когда ареалы зародившихся в разных местах культур со временем расширяются и пересекаются, в результате чего у разных народов возникают сходные культурные (и языковые) явления. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.